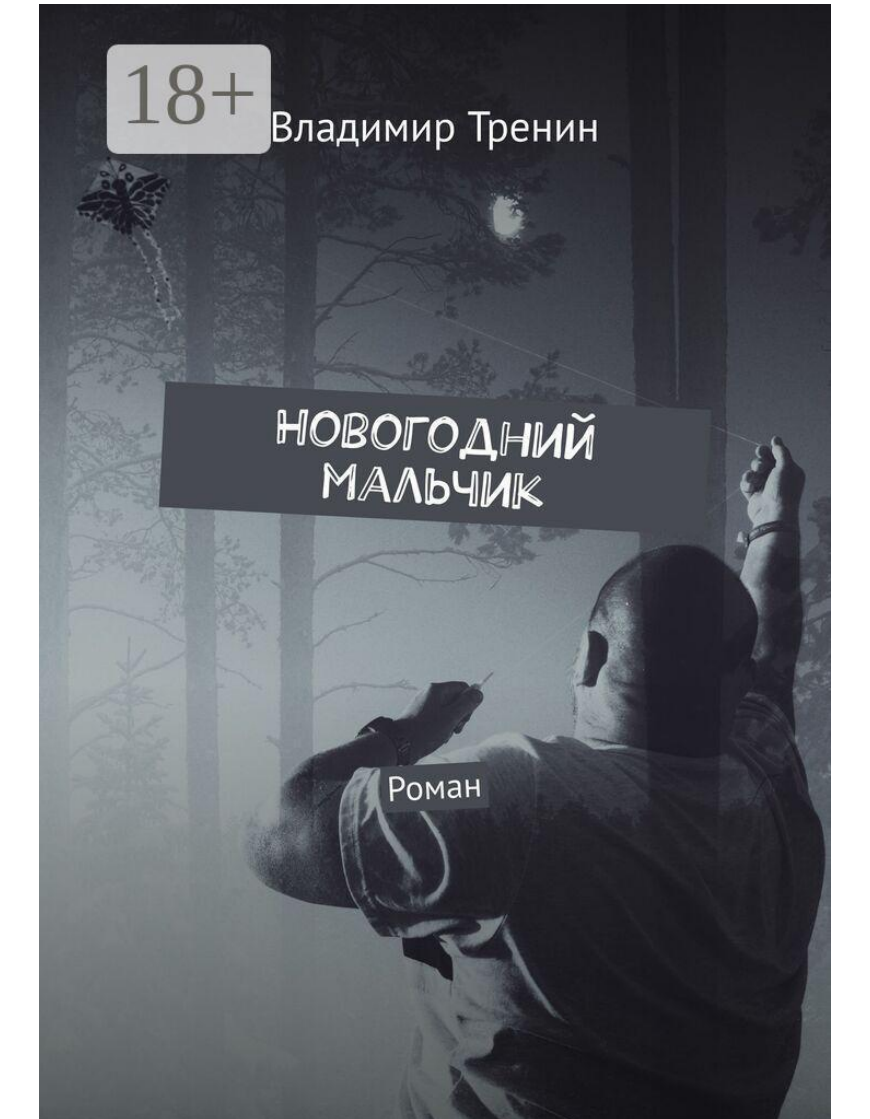

18+

Владимир Тренин

НОВОГОДНИЙ МАЛЬЧИК

Роман

Владимир Тренин

Новогодний мальчик. Роман

<https://litres.ru/74111461>

ISBN 9785007041676

Аннотация

Ударит мороз, зажгутся звёзды, и каждый сделает свой выбор. Этот роман о том, что даже в рациональном мире, где всё куплено и подсчитано, есть место чуду. «Новогодний мальчик» — захватывающая история о цене свободы, любви, силе мужской дружбы и дерзкой попытке победить всевидящую систему.

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	15
2	35
3	71
4	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Новогодний мальчик Роман

Владимир Тренин

*Задумчиво раскачиваясь на почтенном
табурете*

*Странствую по заснеженным, изъеденным
мышами просторам.*

Егор Летов

*В конце концов, я не потратил время зря, я
тоже, как и все, суетился в этом нелепом мире.*

Эмиль Чоран

© Владимир Тренин, 2026

ISBN 978-5-0070-4167-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Утром все лампочки в подъезде перегорели — дружно, как по команде. Таранов зажёл фонарик в телефоне. Дочка спросила его, когда они медленно спускались с пятого этажа:

— Пап, а как раньше жили люди без электричества?

Алексей подумал: «Действительно, как? Ещё без сотовой связи, телевизора, а главное — интернета?»

— Они не знали такой радости, обходились свечами и лучинами, зимой рано ложились спать, не сидели в интернете до часу ночи.

Провожая младшую дочь в школу, он всегда обсуждал с ней важные вопросы. Вот и сейчас Таранов обдумывал, с чем бы сравнить потерю интернета для современного ребёнка.

— Я в твоём возрасте очень любил читать, ходил в библиотеку три раза в неделю. Закрыли бы мне тогда доступ к книгам — и детство получилось бы не таким счастливым. Кать, представь ситуацию: отключили интернет, что бы ты делала в свободное время? И вообще, смогла бы ты обойтись без сети?

— Пап, ты что, с ума сошёл? Конечно нет, но ведь его же не отключат, правда? Как мы будем жить тогда?

— Даже не знаю! — засмеялся Таранов. — Недавно я забыл взять в командировку телефон. Ничего, вроде не умер.

Катя посмотрела недоверчиво на него, будто увидела ино-

планетянина.

Алексей вспомнил, как первую неделю рука по привычке тянулась в карман — полистать новостную ленту и смешные картинки, но потом привык, и свободного времени вдруг оказалось уйма.

Они шли по заснеженной аллее. Горели фонари, в окнах домов зажигался свет. Город просыпался. Таранов подумал, что с приходом одного блага цивилизации, человек быстро забывает о старом. Так ушли в прошлое газовые уличные фонари — и это необратимый процесс.

Катя показала на огонёк в небе:

— Пап, а это что за звезда?

— Это не звезда, а планета Венера.

— Нам говорили про неё на «Окружающем мире». Венера — вторая планета от Солнца, а третья — Земля.

— Правильно. Знаешь, если бы сейчас отключились фонари и погасли окна, мы увидели бы много звёзд, даже тех, которых уже нет.

— Как это?

— Звезды стареют и умирают, а свет остаётся и летит к нам в пространстве долгие годы.

Через месяц от перегрузки замкнуло магистральный кабель, и электричество отключилось во всём районе. Они вышли с Катей во двор. Серые коробки обесточенных домов нависали над ними в морозном тумане.

— А где звёзды? — разочарованно посмотрела на небо

дочь. — Ты же говорил: когда не горят фонари, хорошо видны звёзды.

— Звёзды сегодня спят, — выкрутился Таранов. — Подожди, может, наш электронный друг поможет. Элли точно должна знать.

Алексей достал телефон и, шутя, спросил:

— Элли, а где звёзды?

Ему ответил равнодушный женский голос:

— Если под кроватью не нашли, значит, звёзды на дне океана.

Таранову показалось, что электронная помощница пошутила, хотя она (или оно) не умеет шутить. Ведь у этого создания нет пола и чувства юмора. Почему-то стало жутко. Лёд хрустнул под ногами, вдоль позвоночника пробежала чёрная тревожная волна.

На кухне всю ночь горела лампа. Около пяти часов утра прошлёпал к туалету сонный отец. Заревел сливной бачок. Родитель вышел из уборной, замер, раздумывая, почесал живот, зевнул и потянулся к свету и холодильнику.

— Валерка, ты чего, так и не ложился? — спросил Андрей Валерьевич, жуя кусок сала и прищурившись рассматривая мятые тетрадные двойные листы в клетку на обеденном столе и сонное лицо сына с красными, будто заплаканными глазами. Несколько яростно скомканных и порванных бумажек

украшали затёртый бежевый линолеум.

— Зачёт сегодня очень сложный, препод душный. Готовился, всё-таки первая сессия, — бормотал юноша, стараясь закрыть руками бумагу, исписанную дрожащими строчками.

— Молодец, трудяга, но в последний день перед экзаменом или зачётом лучше не напрягать мозги, необходимо как раз-таки выспаться. Информация уляжется, освоится, когда надо с вспомнишь прочитанное. Поверь, папа пожил, папа знает. Ладно, пойду досыпать, — Андрей Валерьевич повернулся, задел дверной проём краем растянутых выцветших семейников, мелькнув бледной спиной, растворился в тёмном коридоре.

Валерий поднялся с табурета, потянулся — хрустнули косточки. Собрал с пола разбросанные, окропленные слезами абзацы, выкинул их в ведро под умывальником. Выпил желтоватого кипятка из графина, погасил свет и долго смотрел во двор. В соседней панельке начиналась жизнь. Люди просыпались, набирали в чайники воды оттенка жигулёвского пива, чертыхались, поминая крепким словом коммунальщиков.

Юноша прижался лбом к холодному стеклу. В доме напротив сначала горело только три окна, потом одновременно с двух противоположных концов девятиэтажного бетонного короба моргнуло два тёплых глазика, и через минуту в середине с небольшими перерывами вспыхнули сразу пять огоньков.

Валера подумал: если снять на видео как загораются окна и прокрутить на ускоренном просмотре, получится светомузыка. «Интересно, как мелодия подойдёт для дома напротив?»

И ещё Валерий ждал, когда засветится кухня на шестом этаже над вторым подъездом. Вот включилась лампа — и сердце застучало теннисным мячиком об грудину, набивая новый рекорд по количеству ударов в минуту. Он выдохнул, сглотнул слюну. В окне мелькнул женский силуэт. Молодая женщина ходила утром по квартире голой, и все рано встающие, вышедшие покурить мужчины, живущие в квартирах с окнами во двор, поневоле становились вуайерами. У Валеры потеплело внизу живота. Стекло помутнело от дыхания. Свет на заветной кухне погас, и сердце понемногу успокоилось.

Валерий слышал, как храпел отец, скрипнула кровать — мать перевернулась на другой бок. Ей скоро вставать на смену в детский сад, наверное, уже проснулась. Старшая сестра дрыхнет, на первую пару зайдёт, как обычно. «Вот человек счастливый, пятый курс, никаких забот», — подумал Валерий и тут же вздрогнул от внезапного грохота. Ожило радио, звуки гимна хлынули из кухни в коридор. Во всех включённых радиоточках самого большого государства на свете раскатывалась торжественная музыка, и никто не подозревал, что страна эта перестала уже существовать, а гимн играет сегодня в последний раз. Не знал об этом и Валера, хотя, даже

если сейчас за домами вырастал ядерный гриб, ему было бы всё равно. Валера соврал отцу. Зачётов сегодня не планировалось: всю ночь он писал письмо девушке, в которую безнадёжно влюбился.

Автобус долго не приходил. Над замёрзшей остановкой поднимались струйки выдыхаемого пара. Валера закрыл глаза. Холодный воздух наполнялся звуками: гудела обледеневшая высоковольтная линия над головой, всхлипывали и сморкались озябшие люди, двое мужчин вполголоса обсуждали последние новости, матерясь через слово. Рядом приглушенно играла знакомая песня «Joe le taxi» Ванессы Паради. Он посмотрел в сторону источника музыки. Звуки пробивалась из наушников девчонки, стоявшей в двух метрах от него. Валера незаметно приблизился и рассмотрел в свете фонаря мочку покрасневшего девичьего ушка с золотой сережкой в виде березового листочка.

Толпа встрепелась. Из-за поворота показался силуэт долгожданного автобуса. ЛиАЗ под номером «16» остановился, со скрипом открылись двери. Валерий отдался стихии человеческого потока. Его занесло в салон и выбросило на спасительную мель в угол задней площадки. Он держался за липкий поручень, проговаривал про себя слова, написанные на клетчатом листке. «А вдруг она согласится быть со мной?».

Он мечтательно улыбался про себя, вдохновлённый надеждой, не замечая тычков в спину и мрачных лиц.

На лекции он долго решался, рассматривал её затылок, густые волосы, волнами падающие на плечи. Она всегда садилась на первую парту и тщательно записывала каждое слово преподавателя идеальным почерком.

Валерий собрался с силами, подписал имя адресата, пустил по рядам послание и с замиранием сердца следил за свёрнутым в четыре раза листом бумаги. Вот, наконец, красивые пальчики развернули письмо.

Она прочитала, потом обернулась с улыбкой. Через несколько минут ему передали ответ: «Встретимся после пары на улице у главного входа».

«Меня любят, как же это прекрасно», — тело Валеры наполнилось счастливым розовым невесомым веществом; казалось, он взмахнёт руками и воспарит над аудиторией, как воздушный шарик.

Она стояла в накинутаой на плечи серой шубке, мяла в руках его письмо, ёжилась от ветра, облизнула простудную язвочку на верхней губе и отвернулась.

— Прости, — по щеке с милой ямочкой скользнула слеза.

— Я люблю тебя, — тихо сказал Валерий.

— Нет, у нас ничего не получится, у меня есть человек, прости. ... Давай останемся друзьями.

— Тогда всё, — он повернулся, пошёл вдоль серого здания университета, чувствуя её взгляд, выпрямился, хотел придать гордую осанку худой фигуре, но неуклюже споткнулся, завернул за угол и побежал. Всё быстрее и быстрее, пугая редких прохожих, шарахавшихся в стороны. Ледяной ветер разрывал его рот, искривлённый в немом отчаянном и горьком крике.

Валерий пропустил учёбу в этот день. Пешком брёл в свой район, рассекая город поперёк. Хотел сходить к друзьям, поделиться горем, может станет легче, но вспомнил, что Лёшка Таранов уехал в деревню встречать Новый год и именины. Он бы поддержал от всей своей широкой души. Как его не хватает.

Косте Электронику фиолетовы любовные переживания. Конечно, Костик уделит другу некоторое время, минут десять, отложит паяльник, оторвётся от схем и плат, выслушает и выскажет дельный совет, верный, самый разумный из всех, примерно такой: «Население нашего города около полумиллиона человек, половина нужного тебе пола. Отсеем девочек, старушек, женщин бальзаковского возраста — ты же не любитель зрелых барышень, как наш красавчик Ромка. Остановимся на выборке особей от 18 до 25. Есть большая вероятность, что, скажем, десять-пятнадцать девушек точно заинтересуются тобой и три из них, наверняка, учатся в твоём же университете. Мало того: ты с ними, возможно, знаком. Осталось только узнать их имена, а для этого необходи-

мо вынуть голову из песка».

— Валеркин, — добавит Электроник, — ты драматизируешь ситуацию. Успокойся, фенилэтиламин бурлит в твоей крови. Посмотри, оглянись и найдёшь своё счастье, вернее, объект для спаривания и восполнения уровня дофамина.

«Блин, так же и скажет, сочувствовать точно не будет», — Валера пнул ледяной комок. «Зайти, что ли, к Ромычу?»

Роман Куликовский, смуглый кудрявый брюнет, третий друг Валеры и последний вариант поплакаться в жилетку, был тем самым любителем женщин постарше, и скорее всего сейчас по адресу постоянного проживания его не застать — кайфует у какой-нибудь тридцатилетней дамы.

«Что за жизнь такая гадская!»

Дома Валера достал с балкона кастрюлю с супом, наполнил опалесцирующей водой чайник со свистком. Повернул чёрные выключатели конфорок. В гостиной на столе заметил общую тетрадь с клеёнчатой обложкой — дневник отца. Обычно, Андрей Валерьевич убирал его в пластиковый дипломат с кодовым замком.

Юноша открыл тетрадь на закладке. С трудом расшифровал папин стремительный курсив:

«25 декабря. Комбайнёр выступил по телевизору с обращением к народу, в котором объявил о решении прекратить свою деятельность на посту президента. Удивительно, как быстро и буднично развалилось наше огромное государство. Очень волнуюсь за будущее детей.»

26 декабря. Сын сегодня странный, наверное, влюбился. Надо с ним поговорить».

На кухне пронзительно заверещал свисток. «Папа — как же ты прав! Твой сын влюбился, и все надежды сегодня сгорели в ледяном пламени. Какое совпадение: моя страна, жизнь и сердце раскололись на мелкие кусочки в одно и то же время, и ничего больше не будет, ничего», — подумал Валера и тут же горько усмехнулся от своей напыщенной глупой мысли, парафраза где-то прочитанного или услышанного. «Хоть наедине с собой побудь нормальным человеком, а не фантазёром. Какой же ты дурак, Валера, придумал себе чёрт-те чего, размечтался, любят тебя, держи карман шире», — от грустных мыслей его отвлёк усиливающий свист из кухни, крепнувший и оглушительный, как сигнал локомотива. Он закрыл дневник и поспешил к подпрыгивающему на плите, надрывающемуся чайнику.

1

Солнце скользнуло по крышам домов. Взошла луна. Огоньки патрульных дронов мерцали красными и голубоватыми светлячками в сгушающейся студёной пелене. Электрические вспышки на рогах гудящих троллейбусов гигантскими бенгальскими огнями расцвечивали морозный вечер. Шеренги пешеходов отбрасывали длинные тени на серебристые сугробы, скопившиеся за ноябрь и начало декабря. Люди с трудом расходились на узких тропках. Зима началась, как всегда, неожиданно для коммунальных служб. Город терялся под наслоениями снега, дворники выбивались из сил, но пришёл и на их улицу праздник: в конце года с юго-востока пробился мощный антициклон. Наступили ясные морозные дни.

Луна тем временем зацепилась за высоченную Трубу котельной огромного завода по производству станков, вытячивающих особые детали — очень важные части сложных механизмов, а каких — уже никто толком и не помнил.

Кирпичная полосатая Труба, может, и была виновата, что схватила холодное ночное солнышко, но простим её за жест отчаяния. Завтра, в субботу, её планируют взорвать, и она знала об этом. Потом корпуса завода разберут, пригодный материал вывезут, а ненужные огрызки и обломки размельчат, сравнивают с землёй и построят на этом месте новый пре-

стижный район.

Труба не хотела умирать, трудолюбивая и упрямая, она зацепилась в последней надежде за шероховатую поверхность Луны, равнодушной и очень старой. Луне исполнилось недавно 4 512 216 897 лет. Она действительно древняя, и ей вообще всё равно — сидеть на Трубе или дальше катиться по небу. Трубу она, конечно, с собой бы не взяла. Вы доживите хотя бы до тысячи лет, я уж не говорю о миллионе, и всё сами поймёте. Какие ещё трубы, какое сочувствие? Все страсти житейские покажутся шевелением инфузорий в капле воды. Но почему-то Луне стало интересно, ей захотелось дать надежду кирпичному уставшему строению родом из другого мира. Немного помедлив, она увеличилась в размерах, скользнула к Трубе и сделала вид, что застряла на закопчённой макушке с горящим фонарём, и отцепиться уже нельзя. А Труба, словно помолодев и постройнев, вытянулась, чётко проявилась на розоватом сумеречном горизонте.

Таранов ещё раз проверил отчёт по инженерно-геологическим изысканиям, хотя сколько ни смотри — всё равно останутся опечатки, поэтому он старался не открывать старые технические отчёты, чтобы не портить настроение. Иногда посещала мысль, что записку к документации кроме автора никто не читает. С годами становишься циником, может, потому что одолевает рутина, однообразие убивает ро-

мантику не только в отношениях, но и на работе. Куда пропал молодой Таранов, получавший удовольствие от приобщения к большому общему делу. «Не смешите меня. Какому делу? Все наплевать...». Алексей поморщился от ноющего нового чувства, которое появилось на прошлой неделе после получения письма из центрального аппарата и не покидало Таранова ни на минуту, сидело внутри затихшей зубной боли. Он отправил отчёт на сервер в папку отдела выпуска. Перелистал почту, в сотый раз прочитал неожиданное послание. Из столицы сообщали, что их проектно-изыскательский центр сокращают в ближайшее время. Только сейчас он осознал, что подспудно ждал чего-то подобного. Ведь сам давно хотел уйти, но не решался. Корни пустил, мхом покрылся, может, и к лучшему, что его вырывают с этой порядком опостылевшей грядки.

— У нас открывается окно возможностей, впереди новая широкая дорога, — сообщил он коллегам в понедельник на утренней планёрке. Все засмеялись. В последние дни в конторе не умолкал смех, но какой-то странный, беспричинный, с истеричными нотками. Таранов много шутил, доделывая последний объект, и сам хохотал громче всех. Никто не догадывался, что за этой нарочитой весёлостью скрыта боль, душевная и телесная.

Он вытянулся на кресле, хрустнули суставы. Пару минут массировал колени. Алексей раньше особенно берёг левое, давшее сбой от полевых нагрузок двадцать лет назад,

а вот совсем недавно он поскользнулся, грохнулся на льду и вывихнул правое, болевшее теперь гораздо сильнее. Хорошо, научился сам вправлять сустав резким ударом ладони. Странно, постоянная ломота — то затухающая, то усиливающаяся — Таранову нравилась, напоминала о конечности его существования. Он как-то шутя признался дома об этом, и дети называли его мазохистом.

Сейчас вроде не так ноет. «Как описать боль словами?» В последнее время он задавался многими необычными вопросами. Говорят, что зубная боль — самая сильная. Действительно, он проверял недавно: специально отказался от обезболивающего укола на приёме у зубного врача. Выступили капли пота на лбу и выдали его с потрохами, как он ни старался придать лицу хладнокровно-индифферентное выражение.

— Потерпите, миленький, — шептала врач приятным голоском.

Он мычал, преодолевая вспышки молний в мозгу, и кивал в ответ: «Всё замечательно», внимательно изучал голубые её глаза над повязкой салатового цвета, думал, что если экзекуция продлится ещё секунд пять, он потеряет сознание. Прошло десять секунд, потом минута, ещё сколько-то времени. Ничего, вытерпел, — и не такое терпели. Зато какое облегчение потом.

Физическое страдание проходило и забывалось, мучало его другое в последнее время — это внезапное еженощное

душевное отчаяние от осознания, что скоро всё пройдёт, а ты не сделал *главное* в жизни. И никто тебе не скажет, что есть это самое *главное*. Ведь раньше даже и мысли не возникало о каком-то там *смысле*. Молодой и здоровый Таранов двигался по жизни легко, собирался быстро. Раз — и он на другом конце страны, где-то бурит, с кем-то спорит. Два — уже над рыжей тундрой, ждущей снега. Скидывает с вертолёта барахло и прыгает сам. Три — ищет подземную воду на краю пустыни для маленьких добродушных людей с кожей цвета обожженного дерева. Почти три десятилетия пролетели, как летние каникулы в начальной школе, и вдруг всё поломалось, и сомнения охватили его.

Алексей вспомнил рассказ жены о сотруднике — пожилom татарине Наримане, по совместительству муже начальницы её конторы. Нариман занимал должность разнорабочего, менял перегоревшие лампочки, чинил замки, подкручивал, подкрашивал по мелочам, а большую часть времени точил лясы в каморке с охранником и дворником. Нариман каждую пятницу отчитывался о проведённых работах в журнале, который никто не читал, пока не случился совершенно анекдотичный случай. Пришёл нетипичный огромный счёт за телефон, проверили номера, время и выяснили, что кто-то в кабинете начальницы несколько ночей наслаждался беседой с далёкой незнакомкой из службы «Секс по телефону». Проверили по камерам, и — таки да — опознали самые красивые на свете усики и знакомую лысину. В рамках служеб-

ного расследования стряхнули пыль с Наримановских скрижалей, всех вдруг заинтересовал вопрос — за что человек получает зарплату? Журнал давно не заполнялся, последней стояла лаконичная надпись двухмесячной давности:

«Кое-что сделал».

Таранов чуть не подавился вечерним чаем после рассказа жены. Так хохотал он в детстве при просмотре мультфильма «Остров сокровищ». Два слова от Наримана стали крылатыми в семейном кругу.

— Кое-что сделал, — усмехнулся Таранов, выключая компьютер. Ведь так может сказать каждый человек, но, наверное, вклад хирурга спасшего сотни жизней, или старого учителя, сформировавшего мировоззрение населения небольшого города, всё-таки ценнее, чем вклад Алексея Таранова. Как-то на работе он поднял этот вопрос, но товарищи не поняли его, подумали, что Лёшка опять чудит. — Какая разница: делаешь и делай. Деньги платят — это главное, — говорили они. Все расслабились по своим чуланам, думали, что так всё и продлится до пенсии: тепло, спокойно, хоть и пыльно немного. Иногда ускорялись, на опыте исполняли быстро, срывов объектов не допускали, чтобы не расстраивать столичное начальство.

— *Мы одна семья,* — любили писать в корпоративной газете. Что ж, каждая семья несчастлива по-своему: кого-то из детишек необходимо выбросить на мороз. Придётся очень крепко подумать о будущем в ближайшие месяцы.

Системный блок погудел немного, устанавливая обновления, и затих. Таранов выглянул на улицу. Через двор из окна напротив в его сторону смотрела старуха. Долгие годы она наблюдала, наверняка знала всех сотрудников в лицо, время прихода и ухода каждого и иногда, летом, делала замечания расшумевшимся на лавочке алкашам:

— Тихо, люди работают!

— Удивительно, но колдыри слушались её, убавляли громкость споров о вечных вопросах. Это было очень мило. Таранов помахал её рукой, но она не ответила.

Алексей оделся, проверил, закрыты ли окна, выключил свет, поставил кабинет на охрану. Натянул маску и вышел на улицу. На узкой тропинке, протоптанной в сугробах, не так просто разойтись, и вежливый Таранов, пропуская встречаемых пешеходов, морщась от боли в коленях, отпрыгивал в сторону, проваливаясь в глубокий снег. Желание прогуляться пешком пропало, он плюнул и двинулся в сторону ближайшей остановки.

Маска промокла от пота. Неприятно дышать через тряпку в промозглой атмосфере троллейбуса, но Алексей Таранов не срывал маску: ему казалось, что зрачок камеры на груди кассира следит только за ним и ждёт нарушения. Таранов балансировал на краю зелёной зоны и очень боялся провалиться в жёлтую. Он отвёл глаза от этой сучьей камеры, способ-

ной определить малейшие цветовые оттенки и переливы радужки его глаза, температуру тела, нервные вибрации и кто его знает, что ещё она может зафиксировать: его раздражение установленными правилами и гнев? «Пока за мысли не штрафуют, слава богу, но только пока... До чего дошёл прогресс, на что наши деньги тратят?»

Таранов содрогнулся от накатившей злости и бессилия: сейчас он ненавидел себя за трусость, столь несвойственную ему, — что вынужден носить бесполезную тряпку на лице. «Десять лет носим, и уже похоже навсегда». Республика нашла хороший способ зарабатывать на штрафах. Некоторые давно смирились. Крепко выпивающий коллега на работе как-то заметил:

— Я вообще за пожизненное ношение намордников и в помещении, и на улице. Натянешь поплотнее — бухать втихоря можно целый день: никто не почувствует запаха.

Все знали, что вирус давно потерял вирулентность, стал неопасен, но команды отменить масочный режим не поступило от Верховного Совета. Наоборот, ужесточился контроль и увеличились штрафы за нарушение масочного режима не только в городе, но и за пределами. Дошло до того, что градоначальник вместе с отрядом добровольцев из мэрии и прикомандированными милиционерами устраивали облаву в летне-осенний сезон в пригородных лесах на ягодников и грибников, посмеявших игнорировать средства индивидуальной защиты. Велась прямая телевизионная и интер-

нет-трансляция происходящей охоты, в кадре мелькали лица испуганных пенсионеров. Народу поначалу нравилось шоу, утром в курилках обсуждали очередного дерзкого сборщика ягод, игнорирующего правила, но потом стало неинтересно, пропала интрига: люди в лесу и даже на рыбалке надевали маски, уплывая в лодке далеко от берега.

Апофеозом абсурда явилось пришествие гэра. Механизм Гражданского Рейтинга (ГР) ввели прошлой осенью. Каждому совершеннолетнему начислили базовые баллы в количестве десять тысяч единиц. За любой проступок списывалась определённая сумма в зависимости от тяжести совершённого. Шкала делилась на четыре зоны по две с половиной тысячи баллов каждая:

- Зелёная: от 7 500 до 10 000 баллов;
- Жёлтая: от 5 000 до 7 500 баллов;
- Красная: от 2 500 до 5 000 баллов;
- Чёрная: от 2 500 баллов и ниже.

Говорили, что выше зелёной полосы существует голубая привилегированная поляна для узкого круга, но эти слухи были из разряда городских легенд. Зачем, стоящим выше закона, какие-то искусственные выдуманные ограничительные рамки?

Нахождение человека в зелёной зоне гарантировало льготный проезд в общественном транспорте, повышенные скидки в интернет-магазинах и при бронировании гостиниц. Законопослушный гражданин находился в приоритете при

приёме на работу. Садик и школа, тоже без проблем, в отличие от обладателя жёлтого, а уж тем более красного рейтинга. Несчастные, угодившие в красную зону, не имели права взять билет на поезд, самолёт и автобус междугороднего сообщения; их не пускали в кафе и рестораны. Люди из чёрного списка — низшая каста: им отключали интернет, не продавали бытовую технику, мебель, алкоголь и сигареты. Они не обязательно были опустившимися алкоголиками и бродягами — просто могли принципиально не носить средства индивидуальной защиты. Для контроля за состоянием Гражданского Рейтинга специалисты отдела новых технологий при Верховном Совете разработали одноимённое мобильное приложение — ГР, обязательное для установки на телефон. В простонародье рейтинг получил название «гэр».

Таранов недавно слышал краем ухом в троллейбусе, как двое мужиков в полголоса обсуждали бурные выходные:

— Проснулся в воскресенье, башка трещит, гэр в жёлтое упал. Какого хрена? Я ничего не помню.

Таранов прекрасно понимал волнение пассажира. Ещё несколько списаний баллов в его рейтинговой шкале — и он изгой. Алексей не задумывался об этом, пока пару недель назад, его не окликнул мужичок с тяжёлого похмелья:

— Командир, не в службу, купи пару бутылок пива и сигареты — рейтинг ниже плинтуса, — он протянул мятую тысячную купюру.

Таранов купил, и многие выручали, осознавая, что никто

не застрахован от суммы, тюрьмы и критического понижения ГР, а иные безразлично отворачивались, мол, «сам виноват, нечего косячить». Понятие «чёрная полоса» теперь воспринималась буквально. Как выбраться со дна, создатели рейтинга пока не сообщали. Возможно, у Верховного Совета существовал план на людей с минимальным ГР. Ходили слухи, что полным ходом идёт строительство посёлков в степных районах, якобы туда вывозят несчастных обладателей чёрного гэра, они занимаются сельским хозяйством и «перевоспитываются». Может, это и неправда — слишком дико звучит, всё-таки человек имеет право жить как хочет. «Как же, держи карман шире», — Таранов подумал, что никто уже не имеет никакого «права». Существует видимость самостоятельного принятия решений. Все варианты подсказываются соцсетями и телевизором. Человек вынужден выбирать из сортов дерьма и своё настоящее запихивает куда подальше. По телевизору высокие чины отчитывались о резком снижении уровня преступности, и ведь не врал: с введением ГР и тотальной слежкой «настоящих дерзких» стало гораздо меньше, исчезли компании гопников, куда-то пропали бомжи.

«Последний раз бездомного видел четыре года назад, осенью. Может, и правда вывозят?», — Таранов вспомнил волшебный вечер. Дроны только появились на центральных улицах и ещё не патрулировали парки. Солнце садилось, окрашивая в оранжевый цвет ветви столетних дубов, клёнов

и лип. Алексей возвращался с работы пешком, шурился от яркого заката, ворошил листву в парке издававшими виды ботинками и сочинял примерно такое:

*Под жёлтыми ботинками
Кленовых листьев шорох
Под лобными морицинками
Безумных мыслей ворох...*

С некоторых пор рифмы стали сами забредали в голову. Будто-то он случайно, как старый транзисторный приёмник, настраивался на чужую волну. Стишки приходили и уходили, когда Алексей отвлекался от созерцания природных красот, вот и сейчас он обратил внимание, что красивые кленовые листья под ногами покрыты круглыми чёрными отметинами — деревья болели. Отец говорил: пятна возникают из-за грибка, а причина болезни простая, перестали убирать опавшую листву. Вспомнил его слова и большую руку, и себя маленького в пальто с капюшоном, шнурки с деревянными шариками, скрывающими узелки на конце и почувствовал вдруг дым от сжигаемых листьев...

Таранов любил пёстрый мягкий ковёр под ногами, и чем он толще, тем лучше; ему нравилось ворошить листья и подпевать французской песне в наушниках. В тот вечер вернулось тепло, мир наполнился обманчивым светом, казалось, всё будет хорошо в этой жизни. Так же, наверное, думал старик-бездомный под раскидистой липой с замшелым ство-

лом. Он иногда сидел на бетонном блоке у магазина, Таранов ему давал немного денег. В последний раз он его видел в пятницу вечером: старик что-то насвистывал, устраивался на ночлег.

На следующей неделе, во вторник, Алексей проходил мимо этого места. Бросились в глаза следы пребывания человека: пластиковые кефирные бутылки, одноразовые стаканчики, мятая куртка, грязная от долгого ношения маска, брошенная трость, и ещё он заметил скомканные медицинские перчатки. Подумал про плохое. Теплилась надежда, что его увезла скорая в больницу, но почему оставлена куртка и трость?

К сожалению, предчувствие не обмануло Таранова. Ветер изменил направление. Ночью зарядил обложной промозглый дождь, лил все выходные без остановки, и старый бездомный человек умер от холода. К моменту приезда криминалистов его уши обгрызли мыши. Об этом случае Алексей прочитал в местной новостной ленте и сразу понял: речь шла о его знакомом старике. Он подумал тогда: вот — человек родился, кормился тёплым молоком из материнской груди, был любим и сам любил, а потом ему мыши обгрызли уши, и от этой мысли и несправедливости, жестокости мира и невозможности преодолеть всю эту грязь стало так мерзко на душе, что хоть волком вой, — и завыл бы, но не хотелось пугать родных.

«Может, старцы из Верховного Совета и правы, ведь бро-

дыг действительно не стало. Ну да, проще всего очистить улицу, не меняя систему и предпосылок появления неприкаянных людей... *Неприкаянных? Да, ты сам такой*». — усмехнулся Таранов, разглядывая морозные рисунки на обледеневшем стекле. «Интересно, а бывает отрицательный гэр?»

Троллейбус остановился, двери распахнулись; в душное чрево салона ворвался морозный воздух, и вновь прибывшие заиндевелившие уставшие люди вжались в пригревшуюся толпу. Кондукторша отвлеклась к новым пассажирам. Алексей оттянул ткань и немного подышал украдкой. Последним зашёл сухощавый пожилой нетрезвый мужичок с чёрной потёртой сумкой через плечо. Долго копался в карманах, отсчитав мелочь, расплатился, взял билет и отвернулся к дверям.

«Смотрите-ка, каков смельчак, полез в бутылку, без намордника», — одобрительно хмыкнул про себя Таранов. Себе он не мог позволить подобную роскошь: его несколько раз штрафовали на улице за столь смелые поступки.

— Наденьте маску, товарищ, — строго сказала контролёрша.

— Товарищ? — дядька удивлённо повернулся. — Вы сказали «товарищ?» ... Просто музыка для ушей. Приятно! Спасибо, женщина.

— Маску!

— Хорошо, — мужчина кивнул, достал телефон и углу-

бился в чтение новостей, так и не выполнив указания кондуктора.

— Камера вас снимает на видео, — строго сказала она.

— Ой боюсь, — продолжал дерзить нарушитель, не поднимая головы от экрана.

Люди в салоне прислушались, разговоры стихли. Всем было интересно наблюдать за сопротивлением маленького человека системе. Хотя с таким же успехом муравей мог толкать ногу слона.

Рядом с Алексеем висел на поручне суетной молодец лет двадцати пяти. Он оглянулся, смерил рост смутьяна и, видимо, решив, что может без опасности ответных действий показать свою удаль, гаркнул на весь салон:

— Эй, урод, маску надень, тебе говорят!

— Ты чё орёшь? — спросил Таранов.

Парень оценил габариты соседа и уже тише добавил:

— Люди умирают.

— Люди от страха умирают и от идиотизма. Всем давно ясно, что намордники так же помогают от выдуманной заразы, как трусы от поноса, — пробурчал Таранов, на всякий случай натягивая маску на нос строго по инструкции.

Взбунтовавшийся дядька, услышав слова в защиту, благодарно кивнул Таранову и отвернулся лицом к дверям, но всё-таки нацепил мятую грязную повязку. В это время телефон бунтаря подал сигнал. Алексей догадался, что сработала новейшая система ИРГА (Интеллектуальное Распознавание

Граждан Асоциалов). С камеры на широкой груди кассирши видео с нарушителем режима поступило в центр принятия решения, осуществлён анализ, приняты меры административного влущения: выписан штраф и списаны баллы.

Нарушитель открыл сообщение и выругался. Повернулся в сторону удаляющейся кондукторши — поспешно, насколько позволяли её габариты и плотность пассажирской массы, она ввинчивалась в толпу и наверняка переживала: её бы воля, сняла бы эту дурацкую камеру, но инструкция — ничего не поделаешь.

— Сука ты старая, что же ты делаешь! Люди, вы разве не понимаете, что с нами творят! Мы забываем про человеческое достоинство. Вам скажут завтра горшок на голову напаять — иначе гэр в жёлтое, штраф, и пойдёте как миленькие с горшками!

Пассажиры отвернулись — как казалось, с сочувствием и пониманием: упал у бедолаги гэр, но что поделаешь? Лучше слушаться и жить спокойно, да и деньги не хочется терять из-за пустяка. Что там сложного — маску натянуть? Система работала. Таранова, например, приручили, какой бы он неуправляемый ни был. Всё-таки жена, дети, семейный бюджет. Когда только всё началось, его штрафовала не неумолимая и равнодушный ИРГА, а ещё вполне живые и понимающие милиционеры. В своё время он дерзко ходил по улице без повязки — пешеходы удивлённо смотрели на него, словно на прокажённого.

Примерно так же, как сегодняшний дядька с сумкой, объяснял Алексей восемь лет назад капитану Баранову, остановившему его в первый раз:

— Ведь маски — это не про медицину и заражение. Вчера человек с повязкой на лице воспринимался как городской сумасшедший, а сейчас что? Согласитесь, капитан, это же не про здоровье, а про подавление и подчинение всех нас. Развернулась кампания, наступление на общественные, гражданские ценности, на человеческую свободу! Они ищут границу нашего терпения, нашего гнева. Есть такое понятие — пороговая величина, знаете, в разных науках: в физике, химии, даже психологии. Может, им нужен этот гнев, и выход — не знаю. Народ встанет на дыбы — дождётесь. Хотя, похоже, у нас терпение безграничное, как вселенная, — говорил Алексей, когда на него оформляли протокол.

— Гражданин Таранов, ничего не поделаешь — новый закон. У вас есть право опротестовать штраф в суде... И можно я оставляю своё мнение при себе, — сказал милиционер и Алексей по его глазам догадался, что капитан Баранов улыбается под респиратором класса FFP3.

Сейчас, после введения рейтинга, Алексей бы точно не стал дискутировать с милицией. Верховный Совет оказался хитрее и беспощаднее, чем думал Таранов, а всё говорили: сидят старики, милые и неразумные. Возможно, Советом наняты хорошие Консультанты. Сейчас полностью исключён сострадательный человеческий фактор. Грязную работу де-

дает ИРГА.

От размышлений отвлекла вибрация телефона. Сердце ёкнуло. «Неужели штраф пришёл? Вдруг на камеру попал, когда стаскивал повязку. Да нет, вроде кондукторша спиной повернулась». Таранов прочитал сообщение. От души отлегло. Писала жена, чтобы зашёл в мясной ларёк к Ромычу и купил килограмм свиной печени.

Ромыч, Роман Куликовский, друг детства, так не растерявший к пятидесяти годам запас доброты в сердце, простоватый, доверчивый как ребёнок, всё ещё привлекающий женщин стройный улыбчивый брюнет с седеющим висками, работал продавцом в магазине мясной продукции. Таранов частенько к нему заглядывал. Заведение, где работал Ромыч, сложно было назвать магазином: это был вагончик, уличный павильон с витриной, где над пирамидами из шматов сала, куриных тушек, окороков, свиных ног, и прочих мясных продуктов возвышался улыбающийся Ромыч в белом халате. Подростки смеялись над ним; знали бы дураки, где Ромка побывал в своё время и скольких женщин влюбил в себя. Кстати, Романом до сих пор восхищались тётушки и бабушки со всей округи. Умел он найти подход к покупательницам, ничего не скажешь. «Ну что же, зайду к Ромычу, поговорим за старое».

«Хорошо», — отписался Таранов жене.

В это время что-то грохнуло над крышей троллейбуса, промерзшие окна засыпало шлейфом искр. Сверкало мощ-

но, богато, как самый дорогой фейерверк. «Новый год пришёл», — подумал Алексей и улыбнулся вдруг. Для него двойной праздник — он праздновал день рождения 31 декабря, а сейчас ещё и юбилей.

Соседи не заметили широкой внезапной улыбки. Под маской все кажутся одинаково хмурыми.

Троллейбус встал. Водитель объявил, что случилась авария и машина дальше не пойдёт. Открылись двери. Кто-то вышел сразу, некоторые пассажиры возмущались, требовали возврата стоимости билета, хотя до конечной остановки оставалось совсем немного.

Таранов не стал спорить, соскочил в снежный бруствер у дороги, сделал несколько шагов по обледеневшему гребню и огляделся. Сломался не только их троллейбус. Обесточило всю линию над проспектом. Люди вываливались из железных коробок. Грязные отвалы снега мешали выйти на тротуар, и тёмная ворчащая толпа ковыляла вверх по проезжей части. Машины сигналили; народ не обращая внимания на гудки, брёл в покрытых льдом намордниках, обтекая автомобили, и наполняя паром от дыхания атмосферу над дорогой.

Алексей Таранов не выдержал, сдёрнул повязку, постоял ещё немного, возвышаясь над людьми, и почувствовал себя предводителем людской массы, над которой мерцала невозмутимая и равнодушная, как система ИРГА, огромная и красивая луна. Она словно присела отдохнуть на заводскую трубу. В новостях говорили, что трубу взорвут в ближайшее вре-

мя.

Алексей достал телефон и сделал пару снимков, качество которых его, как фотографа любителя, не устроило. Он подумал, что нужен штатив и камера: пейзаж, конечно, удивительный. «Блин, а ведь трубы завтра к обеду уже не будет — значит, никто никогда не увидит эту картину. Все они идут, смотрят под ноги и не понимают этой простой вещи».

Он открыл записную книжку в телефоне и набрал: *«Я вижу сейчас то, чего не повторится уже никогда»*.

«Да, брат, глубоко. Ну ладно, любое впечатление имеет право на существование» — хмыкнул Таранов про себя, убирая телефон. Он смотрел и думал, что надо бы съездить на Новый год в деревню — с сентября ведь не выбирался. Жена, конечно, не захочет, и останемся мы все дома. Ещё он вспомнил, как был на луну четверть века назад вместе с волками, когда работал в поле. Его оставили зимой в лесу на откатке одного, самого молодого и безотказного. Был Таранов не с тоски, а скорее от единения с полуночным миром, над которым светила луна. Это была торжественная песнь в честь волчьего солнышка.

«Интересно, если я сейчас завою, что обо мне скажут? Наверное, заснимут на камеру дрона и тотчас понизят гэр... Да, эго, братец, тебя понесло». Таранов вспомнил про печень, заказанную женой. Натянул маску, спустился на дорогу и быстрым шагом двинулся в сторону своего района. Надо было успеть до закрытия мясной лавки.

Роман Куликовский пересчитал деньги во второй раз. Вытер прилавок. Убрал мясо и фарш с витрины в морозилку, сало оставил: может, ещё возьмут. Сало почему-то хорошо брали всегда, особенно в мороз, а говядину вот не очень — жестковатая. Сменщица Лиза, спавшая с хозяином торговой точки, как-то проговорила, что их говядина свежей была очень давно — в пампасах Южной Америки, мясо глубокой заморозки имело аргентинское происхождение: из стратегических запасов времён президентства Хорхе Рафаэля Виделы Редондо. Лиза — серьёзная женщина, закончила филфак и, наверное, не шутила. Роман сказал, что мясо вполне может быть аргентинским, поскольку поголовье крупного рогатого скота в этой стране — одно из самых больших в мире, но не такое же старое: ведь Хорхе Рафаэль Видела стоял во главе Аргентины, когда маленький Рома ходил в детский сад.

— Откуда ты знаешь про поголовье и этого президента? Ты вообще представляешь, где находится Аргентина? — хихикнула Лиза, обдав его винными парами, и полезла целоваться. Ромыч тогда еле отбил — не хотелось терять рабочее место из-за глупой интрижки.

Он протёр шваброй пол и думал, чтобы ещё такого сделать. До закрытия оставалось полчаса. Роман сел в угол на плюшевую засаленную банкетку, принесённую из дома, под-

крутил регулятор радиатора. От душного тепла слипались глаза. Он откинулся к стене и задумался.

В Аргентине он провёл полгода с Флоренсией — самые долгие постоянные отношения в его жизни. Он хорошо помнил её коротко стриженные жёсткие иссиня-чёрные волосы, цвета крыла ворона. «Флоренсия, моя Флоренс, высокая и сильная, горячая, жёсткая иногда, даже жестокая, страстная и неудержимая». Она не носила лифчиков; дураки в мужских курилках, принимающие за идеал красоты потасканных перешитых порноактрис, называют фемин с подобной фигурой «досками».

Боже, как он хорошо помнит на ощупь и на вкус большие твёрдые соски на плоской смуглой груди — они сводили Романа с ума. Это была не женщина, а сгусток неукротимой энергии. Как-то ночью она разогнала не на шутку оседлав его, и едва не сломала член. Роман никогда не жаловался на недостаток сил и желания, но с ней он подошёл к пределу своих возможностей, впервые испытал физическое и половое истощение по причине её неуёмного либидо.

Позже он понял, что это она виновата в преждевременной смерти мужа — довела в постели до инфаркта своего Хосе, владельца эстансии размером с Великое Герцогство Люксембург. Роман видел его фотографию: высокий, краснощёкий, представительный дядя похожий на актёра Ричарда Гира. Бедный Хосе, ему не хватило сил, чтобы укротить Флоренс, и она в прямом смысле загнала, затрахала его до смер-

ти.

Они познакомились в местечке Ла-Гранд-Мот недалеко от Монпелье. Роман только что расстался с очередной покровительницей и проедал остатки денег, путешествуя по южному побережью Франции без особой цели, как настоящий самурай. Ему всё время везло, он не знал нужды, и сейчас удача сопутствовала ему: он встретил Флоренсию, когда разменял последние пятьсот евро.

Вдова только что вступила в наследство и решила развеять свою печаль в Европе. Флоренс начала путешествие в Испании, неделю жила в Мадриде, потом перебралась в Севилью, где купила красный «Опель Астра» второго поколения с открытым кузовом — и решила проехать всё Средиземноморское побережье, начиная от Кадиса. В Монпелье Флоренс задержалась: она заинтересовалась лошадьми камаргской породы, надумала купить пару жеребцов и четыре кобылы для разведения в провинции Ла-Пампа. Ей посоветовали лошадиную ферму в тридцати километрах к югу от Арля. Недалеко от набережной, на проспекте то ли Мольера, то ли Расина, Флоренс пыталась на ломаном английском спросить дорогу у пожилой француженки. Роман стал свидетелем этой сцены: он медитировал неподалёку в уличном кафе, оценил алое кабри на дороге, хотя погода не благоприятствовала быстрой езде без крыши, в последние дни поддувал мистраль. Он сделал вывод, что хозяйка авто настроилась на лирическую волну и не робкого десятка. Роман отмечал де-

тали, а здесь любой бы догадался по новенькой машине и норковой шубе, небрежно накинутой на плечи, что женщина при деньгах, судя по чёрному шерстяному платку — вдова (он оказался прав) и путешествует в одиночку. Старушка не понимала вопросов, а может, и нарочно делала вид. Так уж исторически сложилось: не любят речь жителей туманного Альбиона во Франции. Роман свободно говорил на английском, похуже — на французском и испанском, немного — на итальянском, спасибо бабушке и маме: обе преподавали языки в университете. Забавно, но сам Роман, провалил вступительный экзамен на факультет иностранных языков, хотя говорил гораздо лучше других абитуриентов.

Рома закинул сумку на плечу, расстегнул две верхних пуговицы бежевой льняной рубахи, подошёл к женщинам.

— *Yo sé el camino*¹, — он широко улыбнулся, и высокая аргентинка облегчённо выдохнула:

— *Bueno!*²

Старая француженка с любопытством наблюдала, как молодой незнакомец переговорив со смуглой иностранкой, прошёл к машине, услужливо открыв ей дверь и прыгнул сам на пассажирское место, будто старый знакомый.

Никаких лошадей Флоренсия не купила в эту весну. Они заночевали в Авиньоне, в апартаментах напротив Папского дворца. Роман жил здесь пару месяцев со своей бывшей

¹ Я знаю дорогу (исп.)

² Хорошо (исп.)

партнёршей Сюзанной. Позвонил владельцу Гюставу, сообщил, что приедет вечером. Гюстав Богданофф, подтянутый усач на седьмом десятке, правнук полковника армии Врангеля нашёл общий язык с Романом на почве дворянских корней. Хотя Ромыч также легко мог подружиться и с папуасом из Новой Гвинеи. Главное его достоинство заключалось в умении слушать. Сюзанна немного злилась, когда он засиживался вечерами во внутреннем живописном дворике отеля за рюмкой кальвадоса, внимая рассказам Гюстава о его русских предках. Хозяин гостиницы знал с десятков слов на языке Пушкина: «спасибо», «друг», «водка», «балалайка», «очи чёрные», «я люблю тебя», «до свиданья», «добрый день» и несколько ругательств.

— Чорт! — удивлённо воскликнул Гюстав, увидев Романа с другой женщиной.

— Знакомься, Гюстав, это Флоренсия, моя знакомая из Аргентины. Нам два номера пожалуйста.

— Прости, Рома, я думал, тебе нужен один двухспальный с винтовой лестницей. Я его и оставил. Ваш любимый с Сю...

— Хорошо, — Роман прервал хозяина и спросил Флоренсию:

— Ты не против размещения в одном номере с самым красивым видом в городе? Я переночую на полу и, естественно, оплачу, — он решительно потянулся за деньгами, но Флоренс возмущённо схватила его за руку.

— Нет. Об этом не может быть и речи.

Ромыч слегка возмутился, но сдался под страстным напором решительной аргентинской женщины. Оставшиеся купюры так и остались у него в бумажнике до следующей зимы. Она завела ему «золотую визу»; для мужчины в двадцать девять лет случился немного запоздавший стремительный рывок вперёд. В дороге он очень захотел её, и она это почувствовала. Возможно, Рома обладал скрытым даром, выделял особенные феромоны, сводящие женщин с ума. Он начал это понимать ещё в школе, когда одноклассницы давали списать, а учительницы ставили незаслуженно хорошие оценки.

Они мчались по автотрассе, минуя бесконечные поля, сады, пруды; местность открывалась плоская и скучная. Рома, пытаясь развлечь новую знакомую, подбирал слова, описывал скучные достопримечательности, словно экскурсовод, а Флоренс млела от его голоса и ещё чего-то хорошего, светлого. Казалось, без особой причины, женщину охватило непосредственное радостное чувство, подобное с детства не случалось в её жизни. Наверное, Романа действительно окружала аура радости, и похоже он не растерял её, если и сейчас к нему, пожилому мужчине пристаёт молодая напарница Лиза.

Флоренсия косилась на его профиль и кудри, развевающиеся на ветру. Он чувствовал её взгляд и улыбался, показывая на дорогу:

— *Florence! Mira el camino, por favor!*³

³ Флоренсия! Пожалуйста, смотри на дорогу! (исп.)

И она смеялась пуще прежнего, непонятно от чего: может от смешного акцента, а может от осознания, что будет наконец- то спать сегодня не одна — она так соскучилась по мужчине. Да, именно от мысли, что будет сегодня трахать этого парня кружилась голова и горячо, сладко сжималось внизу живота. По правде говоря, она не знала мужчин кроме Хосе, а этот симпатичный русский её сразу понравился. Он вообще не походил на тот суровый образ человека из холодного края, о котором Флоренсия ничего толком и не знала, слышала разговоры от отца о распавшейся красной огромной стране, размером с материк; государство их рухнуло, а потом начались бесконечные войны — будто мало им было страданий. И сейчас человек из другого мира сидит рядом с ней. Да, ещё отец любил книги русских писателей: Чехов, Достоевский, Толстой — тяжёлые тома в его библиотеке, которые поднять-то тяжело, не то что прочитать. Отец проработал всю жизнь врачом. Хосе его раздражал, папа считал, что Флоренсия достойна лучшего. Дела у отца под конец жизни шли плохо, он не умел распоряжаться деньгами, все накопления сгорели, и состоятельный жених оказался очень кста-ти.

— Подумаешь, старый, — говорила мама, — зато богатый и без ума от тебя! Флоренс не любила Хосе, а он её боготворил. «Интересно, чтобы сказал Хосе если бы узнал, что я буду спать с русским коммунистом, он их так ненавидел». Она украдкой посмотрела на попутчика. «С молодым красивым

коммунистом» — добавила про себя Флоренс и почувствовала прилив тепла между ног. «Красивый юноша. Сколько ему лет? Не больше двадцати двух, ну двадцати пяти — это точно. Почему мне так хочется его? По возрасту он годится мне в сыновья». Позже она увидит паспорт Романа Куликовского, немного удивится и успокоится, временной отрыв между ними окажется не такой уж огромный — они вместе отпразднуют его тридцатилетие.

Флоренсии месяц назад исполнилось тридцать восемь, хотя выглядела она гораздо моложе. Роман, в отличие от Флоренс, никогда не переживал по поводу большой разницы в возрасте: Сюзанна, жившая с ним недавно в отеле месье Богданоффа, была старше его почти в два раза. Гюстав даже не смотрел его паспорт, оформил в первый раз номер на Сюзанну с двумя отдельными кроватями. Обычное дело: сын привёз маму посмотреть Папский дворец. Любовников выдали страстные стоны Сюзанны. Старушка Сю совершенно не могла сдерживать себя, соседи пожаловались, подумали, что женщину за стенкой убивают, и Гюстав утром шепнул Роме о недовольстве постояльцев. Куликовский обещал, что примет меры по устранению источника шума, и сдержал обещание. Единственное, что он мог сделать, — это заткнуть её рот членом: она очень любила сосать. Роме почему-то не нравилось это зрелище, он отворачивался, если действие происходило днём: ему казалось, там внизу его бабушка причмокивает губами — уж очень причёска а-ля Бриджит Бардо

напоминала бабулин шиньон. Может быть, поэтому он принял решение расстаться, хотя Сюзанна не походила на французенок, никогда не скупилась и не выносила мозг. Забавно, но привлекла Ромыча старушка Сю именно задорными губками. Они встретились на богемной вечеринке в Ницце, его притащил туда сербский художник Зоран, приятель очередной бывшей Куликовского — Роман даже не помнил её имени, настолько стремительно менялась жизнь в то время.

Номер Зорана до сих пор записан в телефонной книжке Романа. Человека давно нет в живых, а контакт остался. Шустрый, чернявый, похожий на цыгана парень знал всех знаменитостей на побережье. Позже по вине серба привычный образ жизни Романа разобьётся на мелкие осколки. Зоран торговал дурью и, возможно, только назывался художником, хотя выглядел как живописец при дворе Саксонского курфюрста Августа: ходил в кожаных штанах, шёлковой белой рубаше с кружевным жабо и чёрной приталенной бархатной куртке до колена, напоминавшей камзол. В многочисленных внутренних карманах он хранил разноцветные таблочки — лекарство от грусти для затосковавших буржуа. Почему-то Зоран симпатизировал Ромычу: может, чувствовал неприкаянную родственную душу, или национальность сыграла роль, но периодически благодаря сербскому художнику-пушеру Роман знакомился с новой богатой покровительницей.

Тогда, в темноте он толком не разглядел лица Сюзанны, а

она уже расстёгивала его ширинку; утром же не хотелось ничего менять. Пусть будет Сюзанна. Он всегда плыл по течению, не сопротивляясь жизненному потоку, и долгое время ему удавалось избегать серьёзных проблем. Знал бы Ромыч, какое испытание его ждёт впереди, возможно, и остался бы с Флоренс жить в Аргентине.

Флоренсия восторгалась чудесным внутренним двориком отеля, старинной обстановкой номера и видом.

— Это дворец Римского Папы, — пояснил Роман.

— Я думала, что Папа в Риме.

— *El Papa en Roma*⁴, — засмеялся Ромыч, повторяя за Флоренс; ему показалось забавным словосочетание.

— Почему ты смеёшься?

— Просто так. Я ведь тоже Рома. Ты слышала, про французского короля Филиппа Красивого?

— Нет, — ответила Флоренс, еле сдерживаясь, чтобы не наброситься на своего нового друга. Она открыла окно, оперлась локтями на подоконник, потянулась длинным сильным телом, смотрела на старинные башни за площадью — и кружилась голова. Она ждала его, и он пришёл.

Роман плохо учился в школе, не шарил в физике, как Валера Батов, или в географии и биологии, как Лёшка Таранов, не говоря уж о Косте Электронике, знавшем всё на свете. Единственное, что он хорошо усвоил в детстве, — это историю Западной Европы, причём определённый её пери-

⁴ Папа Римский в Риме (исп.)

од с VII по XIV век. Дед Ромы — известный в узких кругах медиевист — рассказывал внуку о Великом переселении народов, набегах викингов, рыцарях и крестовых походах, частенько в беседе за ужином вставлял горячий факт из жизни какого-нибудь французского или немецкого барона; может, поэтому Ромыч так любил старинные городки во Франции, Италии, Испании. В памяти всплывали факты, старинные топонимы. Дедушка один раз в начале 60-х годов побывал в Франции, да и то ничего толком не видел — всё командировочное время проводил в архивах. Знал бы он, что внук объездит все эти замки и руины, своими руками потрогает камни, хранящие прикосновение тамплиеров.

— Существует в истории Еропы эпизод, называется Авиньонское пленение пап, — Роман ощутил её жажду; он всегда чувствовал, чего хочет женщина, в отличие от школьных друзей, стеснявшихся вымолвить слово рядом с объектом желания.

Он приблизился к Флоренсии, продолжая говорить, поднял юбку:

— Семь веков назад правил Филипп Красивый, ему постоянно не хватало денег на войны и двор...

Флоренсия шумно выдохнула, почувствовав его в себе, крепко схватилась за подоконник, и костяшки на длинные её пальцах побелели.

— Филипп лишил церковь её дохода. Посланник короля поехал в Италию, говорят, нашлёпал по дряблым щекам пон-

тифика, тот от расстройства умер; следующий недолго радовался папской митре, вскоре скончался, а потом Папская резиденция переехала из Рима в Авиньон...

Во время их первой близости она не издала ни звука, только шумно дышала, словно спортсменка, делающая упражнение с утяжелениями. Внизу на площади гуляла толпа зевак, возможно, некоторые видели красивую женщину, выглядывающую из окна третьего этажа.

— ...Потом тут жили антипапы — смешная ситуация: один Папа в Риме, а другой здесь, и оба считали себя настоящими. На память о тех трагикомических событиях остался замечательный дворец, — он закончил свой исторический экскурс, но соитие их продолжилось.

Роман ускорился, крепко сжимал ладонями смуглые аргентинские ягодички, представил, какое расстояние преодолела эта женщина, чтобы оказаться сейчас здесь, в его руках, и от этой мысли распалился не на шутку, и она чувствуя его желание, выгибалась как большая чёрная кошка. Он разжал руки, когда на улице включили фонари.

За ужином она спросила его:

— Ты коммунист?

Роман засмеялся:

— Буду для тебя, если хочешь.

Во Франции они прожили один из самых счастливых месяцев в его жизни. Лучше было только с Люцией, хотя нет: с любимой итальянкой он никогда не находился дольше семи

дней подряд.

Флоренс — чудесный человек, очень много давший ему. Они объехали половину Европы. В Мадриде, в аргентинском посольстве, оформили визу, улетели на родину Флоренс и жили в её поместье. Ромыч научился ездить на лошади и чуть не стал настоящим гаучо...

Он поёжился, глядя на обледеневший угол витрины, и улыбнулся про себя: «Рассказать напарнице Лизе — не поверит».

Наверное, не стоило затевать путешествие по Патагонии. Ещё будучи во Франции, они запланировали поездку от Пуэрто-Десеадо до самой Огненной Земли. Вид бесконечной рыжей равнины с клочьями высохшей травы разбудил в душе Романа тоску, которую не могли унять ни вино, ни любовь Флоренсии. Может, это и есть ностальгия, никогда раньше не посещавшая его, а здесь, на другом краю мира, вдруг придавила бетонной плитой. Запомнились из поездки: как они фотографировали пингвинов в устье Рио-Гальегос и выброшенное судно — остов барка на берегу Атлантического океана в лохмотьях ржавчины, с бушпритом уткнувшимся в голубое холодное небо южного полушария. Роман нацарапал камнем на сгнившем железе: «ЗДЕСЬ БЫЛ РОМА». Подумал, что это самое южное место в его жизни, дальше ехать не хотелось. Лёшка Таранов за такую возможность отдал бы мизинец и наверняка бы рванул до самого мыса Горн. Ромыча охватило безразличие к суровым, безусловно очень

красивым пейзажам. Они вернулись в Буэнос-Айрес, где он сказал Флоренс, что хочет расстаться, и она ударила его так сильно, что брызнула кровь из носа...

Скука — грех смертный и Роман сполна заплатит за неё, за то, что бросал людей, которые действительно любили его.

Что они в нём находили такого — непонятно. Ну да, карие глаза, смуглая кожа, фигура, «внешка» хорошая, как сейчас говорят; даже снимался для европейских каталогов одежды. Очень ласковый, никогда не выходил из себя, трахаться любил. Вообще любил женщин, наверное поэтому не ощущал себя альфонсом, ничего не просил и сам отдавался каждой клеточкой. Как-то Роман подсчитал, что за один год сменил двенадцать подруг — по одной в месяц, и все они были старше его от десяти до двадцати трёх лет, некоторые годились в матери, но ведь как боготворили его, покупали дорогие вещи, возили с собой отдыхать. И даже не обижались, когда он прямо в глаза заявлял, что уходит к другой, и все подарки оставляли, денег давали в дорогу. «Какой же ты был скотиной, Рома».

Ведь ничего не закончил. Парни, наверное, говорят, что я дурак, хотя нет — они настоящие друзья. Валя с Лёхой в школе защищали и на улице, Костя Электроник контрольные делал и дома помогал, отремонтировал всю технику. Электроник вообще оказался золотой и безотказный помощник. Как его любили мама с бабушкой — больше чем меня.

Предал друзей со своими перелётами и перманентным

кайфом. Жил слишком весело, хотя можно было поднять денег, но не воспользовался своими женщинами. Лёшка Таранов говорит, что я слишком наивный. Из друзей только он у меня остался.

Валеру по телевизору видел: что-то очень полезное для страны конструирует — турбины, агрегаты. Внушительный и уверенный мужчина стал. Орлиный профиль, уверенность во взгляде, шевелюра седая, а ведь стеснительнее его не видел свет — бегал за своей Ирочкой всю дорогу. И Костя, конечно, самый умный, верный и честный. Интересно, где сейчас Электроник с его головой и руками? Руководит суперсекретным производством в Силиконовой долине, а может, участвует в запуске самого длинного адронного коллайдера под Кордильерами, пока я развешиваю фарш.

Роман не завидовал друзьям, искренне радовался их успехам. Он задремал, почувствовал запах цитрусовых. Птицы громко щебечут в кронах апельсиновых и лимонных деревьев. Как это красиво, когда ты лежишь в саду прямо на траве, а над тобой сотни ярких плодов. Солнечные лучи пробиваются сквозь листву, колыхаемую лёгкими касаниями воздуха.

Каждое утро на земле под апельсиновым деревом в саду прибавлялось оранжевых шаров с лопнувшей тонкой коркой. Он вдруг подумал, что никогда не наблюдал момент падения плода. Конечно, если смотреть час или два непрерывно на крону, то можно зафиксировать сей важный процесс,

обусловленный беспощадной гравитацией, но ждать не хотелось. И вот случилось нечто: проходя к морю, Рома бросив мимолётный взгляд на великолепное апельсиновое дерево, украшенное, словно новогодняя ёлка, множеством ярких игрушек, и заметил, как оранжевый плод сорвался с побега. Ветра не наблюдалось — просто пришло время, апельсин созрел и захотел жить отдельно от материнского дерева. Дрогнула ветка, освобождаясь от груза, прошелестела листва, и апельсин с глухим звуком ударился оземь, прокатился немного и замер, нагло возлежал в траве, прикидываясь, что оторвался давно. Это обыденное явление, почему-то очень поразило его тогда. Роман будто увидел падающую звезду, закрыл глаза и загадал желание.

Он услышал плеск воды, потянулся на шезлонге. Маленькие плавки обтягивали большой, завёрнутый на левую сторону член. Золотистая гладкая кожа. Капельки пота на плечах. Хорошо выделяются кубики на прессе. Он никогда не загорал до черноты, как любят многие. Ему нравился именно такой янтарно-кремовый оттенок. Не любил он больших мышц, все эти перекачанные бодибилдеры производили смешное впечатление. Роман знал, что гораздо эффектнее смотрится поджарое мужское тело, нежели стероидные гераклы с отодвинутыми от тела руками, словно они носят постоянно под мышками невидимые школьные глобусы. Он обожал ловить взгляды людей. Когда он шёл вдоль бассейна, все смотрели на него и хотели его.

Его желания исполнялись, его обожали; в первой половине жизни он вычерпал лимит любви, теперь пришло время расплаты за гордыню, равнодушие, за растоптанное доверие и их любовь. Всех этих Сюзанн, Флоренсий, Лючий и Мадлен, Анастасий, Оль, Шарлотт, Оливий и Джульет. Нет, Флоренс — классная, а Лючия только одна такая и единственная, навсегда.

Он думал закончить, «остепениться» — так говорила мама. «Мам, как же ты была права». Первый раз Роман увидел нехорошие знаки той зимой в Сиде. Он жил с Оливией, спортивной голубоглазой блондинкой.

Удивительный солнечный декабрь, невиданно тёплый для этого берега. Обычно здесь дождливо на рождество. В полупустом отеле их приняли как самых лучших друзей. Оливия привезла его туда, в любимое место отдыха немецких пенсионеров; она сама наполовину немка, наполовину француженка родом из Инсбрука. Между собой они говорили на французском. Всё детство Оливия провела в Баварской общине Миттенвальд в доме деда, члена НСДАП с 1929 года. В чине обер-лейтенанта дед воевал на восточном фронте, ему повезло: Drang nach Osten для него закончился в августе 1941 года. Дедушке Хуберту оторвало ногу в боях за Новгород. Кусок баварской плоти остался гнить на песчаном берегу Волхова, а Хуберт вернулся с железным крестом в родной Миттенвальд.

Оливия знала историю деда и гордилась его заслугами; на

этой почве даже обычно невозмутимый Ромыч выходил из себя и спорил с подругой. Ведь его бабушка пережила блокаду, а дед состоял в народном ополчении.

— Ты знаешь, мой мальчик, что мы живём здесь на средства мой семьи, в том числе и заработанные дедом Хубертом Шульцом, которого ты так ненавидишь, — Оливия подкидывала дровишек, распаляла его вечером.

— Ты мне за всё ответишь, сучка фашисткая! Да Красная армия ваш хвалёный вермахт на британский флаг порвала, как тузик грелку! — бросался он на Оливию, и перевода не требовалось. Впрочем, она хотела именно этого. Получала горячую страсть и многочисленные оргазмы, которые никогда не испытывала в жизни с другими мужчинами.

Она бегала по утрам, пока он спал; после завтрака пара проводила время на пляже. Привыкшая с детства к ледяной воде реки Изар, Оливия едва ли не единственная на всём побережье купалась в зимнем море, а Роман наслаждался одиночеством и покоем, ждал со свернутым на коленях полотенцем, сидя на лежаке. Гладил многочисленных кошек, которые ходили за ним целыми стаями. Они ластились к нему, тёрлись об ноги — десятки кошек, рыжих, чёрных, белых, разноцветных. Животные устраивались рядом, но не на песке: кошки укладывались на лежаках, спасательных вышках, каменных балюстрадах и даже забирались на верхушки сложенных пляжных зонтиков, и Ромыч выглядел как повелитель кошачьего племени, сам — как большой смуглый кот.

Тогда он встретил на пляже странного человека. Оливия совершала очередной часовой заплыв. На берегу ни души, только Роман и кошки. Вдалеке мелькнул силуэт. Кто-то не торопясь прогуливался вдоль линии прибоя, так медленно, что Ромыч забыл о нём и вздрогнул от неожиданности, когда увидел прямо перед собой человека. В двух метрах стоял голый толстый рыжий мужчина в оранжевых кроксах. Он весил килограмм двести не меньше, жир свисал гигантскими складками. Бедолага страдал кожным недугом: всё его тело было покрыто многочисленными наростами. Человек остановился, поздоровался; Ромыч кивнул в ответ, старая не смотреть в его сторону.

Мужчина показал на кошек, восседавших на пляжных зонтиках, и мяукнул, как мяукают немцы:

— Миа.

Роман вежливо улыбнулся.

— Миа! — громко повторил жиробас и засмеялся противным булькающим смехом. Тело его заколыхалось бледным бородавчатым киселём. Живот свисал до коленей, и казалось, что у мужчины нет члена. Ромыч почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Толстяк медленно повернулся и, тяжело переступая колоннами ног, покрытыми коричневыми пятнами и язвами, двинулся дальше. Роман выдохнул с облегчением. После этого у него на неделю пропал аппетит — всё время перед глазами болтались папилломы на тоненьких ножках. Позже он решил, что в образе рыжего тол-

стяка перед ним явился бес и встреча предвещала беду. Он рассказал Оливии о странном туристе. Практичная подруга посмеялась над мнительным Ромычем, сказала, что ничего сверхъестественного не видит, в том, что стеснительный немецкий нудист с нейрофибромой и лишним весом гуляет по безлюдному пляжу.

— Не всем же Роман в этом мире повезло быть красивыми, как ты. Некоторые стесняются своей внешности, избегают людей, как этот несчастный больной человек, специально приезжают в мёртвый сезон.

— Оливия, если бы я стеснялся своего тела, то не бродил по пляжу голым...

Мимо ларька проехала машина скорой помощи с включённой сиреной. Роман вздрогнул. Не хотелось выныривать из волшебной атмосферы Средиземноморья; он опять погрузился в воспоминания.

Силуэты кошек. Дым от жаровен накрывает берег, стелется над морем, субтропические растения в белой пелене, Роман чувствует себя словно в школьном походе, но вместо крон сосен и елей — непричёсанные пальмы и покрывало оливковых ветвей. Сорвал оливку — брызнул жирный сок в ладонь. Время сбора урожая. Он слизал горечь с пальцев, глотнул ракии, посмотрел на небо. Полярная звезда в непривычном месте, ну понятно — другая широта, и люди другие.

Немецкая хмельная тётка за соседним столиком хрипло хохочет, дымит сигаретой, пьёт виски с турком. Она чест-

нее некоторых дам, приезжающих в поисках пляжного партнёра: мятая, перемятая, со спутанными волосами, не тратит время на фальшивые прелюдии — просто заплатила ему и получает эрзац-любовь за честно заработанные «ойро». Возможно, в Германии она трудится на ферме, или на автомобильном заводе, а может, кассиршей в супермаркете. Скорее всего, деньги достаются ей не просто. Она очень уставшая, и он утомленный, стареющий альфонс. Когда-то он был похож на Джорджа Клуни; когда-то и сам Клуни не выглядел как старый бульдог.

Турку неловко смотреть на её обрюзгшее, перекроенное неумелым хирургом лицо. Они сейчас уйдут, он будет любить её, выключив свет, чтобы не видеть увядшее тело, а может, они просто лягут и обнимут друг друга, улыбнутся и найдут себя во сне счастливыми, молодыми и красивыми.

Роман вдруг подумал, что эта парочка ничем не отличается от них с Оливией. Его партнёрша, конечно, моложе, красивее и богаче, но она также платит РOME. Он посмотрел на потасканного жиголо за соседним столиком и увидел себя через двадцать лет. Почему он не остановился в том декабре? ... Нет, судьба вела дальше — он ведь ещё не встретил Лючию, самого главного человека в его жизни.

Он прошептал:

— *Ti amo, Lucia Rossetti, ti amo così tanto, tanto*⁵...

Тогда, на Крите, Роман нарушил свои правила и изменил

⁵ Я люблю тебя, Лючия Россетти, я люблю тебя очень-очень сильно (итал.)

Мадлен. Раньше, прежде чем начать новые отношения он разрывал старые, но Лючия ворвалась в его уютную размеренную жизнь внезапно, как холодный ветер трамонтана в душную квартиру: распахнулись окна, захлопали двери, затрепетали занавески. Лючия Россетти сорвала пыльные апатичные оковы с его души и свела с ума навсегда.

Он поступил нечестно по отношению к Мадлен. Хорошая отзывчивая женщина, она любила его. Ей казалось, что наконец в нём обрела своё счастье, ухватила за него, как за спасательный круг, хотела выглядеть моложе, сделала операцию на лице. Пока не пройдут отёки и не заживут шрамы, они спрятались в маленьком отеле. Мадлен накачивалась снотворным и мартини, спала до обеда. Роман оставлял её в номере и спускался в лобби-бар. Там он увидел Лючию. В холле каждый вечер играл на рояле пожилой худенький грек в круглых очках, добрейший человек. Он сделал перерыв, вышел на улицу покурить, выпить кофе. Неприятный конопатый английский мальчик открыл крышку и забарабанил по клавишам. Родители сидели в баре и не обращали на своё чадо внимания, а замечаний в Европе чужим детям не принято делать. Встав с кресла, Роман поднял оболтуса за ухо, шлёпнул под зад и сорвал аплодисменты. Громче всех рукоплескала она — его цветочек в жёлтом платье. Лючия отдыхала в компании молодых парней и девчонок. Он подсел к ним, познакомился. Ребята очень удивились тому, что русский говорит на их языке.

Она из Апулии, училась в Милане на искусствоведа и знала всё про античность и итальянское Возрождение. Мать её искала богатого жениха или «покровителя», как хихикала сама Лючия. И вот, он — смазливый приживальщик, и девушка, ищущая выгодную партию встретились на родине Зевса. Уже в полночь они купались голышом вдвоём. Он любил Лючию, прижав к скале и закрывая ей рот, и она кусала до крови его пальцы. Даже не особо внимательная Мадлен спросила утром, откуда ссадины на руке.

Внутри всё сжалось сладко. Роман сказал, что нырял перед завтраком, когда она спала, и оцарапался о риф. Утром он долго мылся в душе — запах Люции въелся в его кожу. Мадлен сушила волосы в ванной, о чём-то его спрашивала, а он невпопад отвечал, прислонившись плечом к дверному косяку, разглядывал её лицо.

«Мадлен, моя Мадлен, зачем ты сделала операцию? Лицо — один большой синяк. Я поступил нечестно, прости меня, Мадлен, ты очень хорошая, правда, а я — подлец. Но эта силиконовая грудь на ощупь как мёртвая медуза. Лицо, твоё лицо — мордашка, затянутая в бумажный кулёк, скомканный и неудачно расправленный. Неприятные новые губы. Зачем ты раскроила лицо? Интересно, как ты выглядела в молодости. Сложно сказать...»

Их жизнь продолжалась по расписанию. После обеда они проводили время у бассейна. Ирония судьбы: Мадлен, показала на Лючию и спросила Романа:

— Интересная девушка, как тебе она? Нравится?

Он пожимал плечами: — Так себе, уши большие, смешная. Моя сладкая, на этом побережье самая эффектная женщина — это ты. Самые красивые колени Критского моря.

— Котик мой, ты прелесть.

— Но это правда, Мадлен. Ты знаешь, я всегда говорю правду. Если я встречу колени красивее, чем у тебя, я обязательно тебе скажу.

Она хохотала, гладила Ромыча по щеке длинными сухими пальцами с ярким маникюром — рукой женщины, убегающей от старости.

— Но какая у неё жопа, а скажи? Дал Бог такую классную жопу и грудь. Такая молодая, а уже всё в ней большое: и жопа и грудь.

— И уши, — добавлял Ромыч, и ему хотелось удариться головой об стену от своих подлых слов.

Мадлен смеялась, допивала очередное martini, а он внимательно наблюдал за компанией итальянских парней и девушек на противоположной стороне бассейна.

Лючия — самая красивая. Смуглые юноши вились вокруг неё, а она украдкой бросала виноватый взгляд в его сторону.

«Прости Ромуальдо, они сами, я люблю только тебя, одного тебя», — говорили её глаза.

Да, он знал это, подглядывая через тёмные очки за молодыми апулийскими самцами. «Наше кунг-фу сильнее», — улыбался он про себя, вспоминая выражение Лёшки Тара-

нова: тот любил его вставлять к месту, и не очень. Грех гордыни поселился в Романи в те дни. Его окружали волшебные итальянские нимфы с длинными блестящими волосами, смуглые, горячие, тараторящие без умолка. «Они такие болтушки, но какой же красивый язык, мама мия. И самая эффектная из них — моя».

Ах, эти смуглые ягодицы, выпадающие из маленьких шорт, мятый хлопок, пятно на попе с прилипшими крупинками песка... Ушки действительно были большие. Лючия такая забавная с мокрыми волосами. ...Потом она уехала, и неделю он умирал, а Мадлен не могла понять почему, что случилось с её жизнерадостным Романом. Ходили по магазинам в Ираклионе, она купила ему новые часы и гору шмоток. Намекнул про Италию — и вот они уже в Риме, Ромыч радовался, как ребёнок. «Ты думала, я люблю эти старые пыльные деревеньки, тосканские туманы и венецианский циановый тлен? Нет, Мадлен. Я был счастлив, что Лючия совсем рядом и я скоро увижу её. Мы встречались с Люцией несколько раз в течение полугода, а потом я сбежал от тебя, дорогая Мадлен. Какой же я мерзавец».

...То утро в Милане он не забудет никогда. Издалека увидел Люцию в уличном кафе, она устремилась в его сторону — всё быстрее, быстрее, и влюблённые побежали навстречу, как дети. Роман схватил её и жадно целовал долго-долго, не обращая внимания на прохожих.

Они взяли такси и поехали в Верону. Седой хорват за ру-

лём догадался, что Роман русский, обрадовался, сообщил, что он учился в Москве в Горном, хорошее время было, искал нефть на шельфе в Средиземном море, зарабатывал большие деньги, женился, построил дом, а потом всё рухнуло: война, погиб сын, бросила жена. Путая сербские и русские слова, таксист сбивчиво рассказывал о своей жизни, радуясь новому собеседнику из страны, где он провёл лучшие годы жизни. Роман же делал вид, что внимательно слушает; скинув плащ на колени, засунул руку под юбку Лючии, задавал громко ненужные вопросы водителю, чтобы заглушить стоны, скрывающиеся с её губ.

Он любил её в Вероне везде где только можно уединится — даже в старом городе, в башне под колоколами. Они купили билеты на поезд и пересекли Италию с севера на юг. Колёсные пары ударялись в стыки, Роман прорастал в неё на узкой койке, колыхались груди в сполохах фонарей, она громко кричала и он уже не стеснялся её стонов, они умирали снова и снова, оставались вместе, одним целым, мужчина как младенец брал в рот её сосок, а она опускала руку и гладила, пока он снова не поднимался в ней...

Это был последний раз. Воспоминание — как снимок из другой, счастливой жизни. Сейчас все поезда стали скоростными, с сидячими местами.

На завтраке в вагоне-ресторане неодобрительно косились пассажиры из соседних купе: старушки в чёрных платьях, пузатые мужчины в подтяжках и сеточках на волосах, похо-

жие на персонажей Феллини. Влюблённые не обращали на них внимания, обсуждали общее будущее. Роман не сомневался, что они поженятся, вместе встретят старость. Осталось скопить немного денег. Лючия примерно догадывалась, как достанутся ему эти средства:

— Будешь выжимать своих тётушек досуха.

Он понял по голосу, что она действительно любила его. Раньше Лючия шутила по этому поводу, а сейчас говорила серьёзно.

— Я не изменял тебе, и не изменю.

— Кому ты говоришь? Сколько женщин будет прыгать на твоём члене за время нашей разлуки. Ромуальдо, за кого ты меня принимаешь?

— Технически — да, но в душе нет. Верен до гроба моей Лючии. Я всегда представляю тебя, твоё лицо, волосы, грудь, твои самые красивые ушки.

Ромыч обожал её большие уши, когда она выходила из ванной. В выражении лица было что-то пронзительное и беззащитное, несмотря на её фигуру, длинные ноги, тяжёлые бёдра и грудь. Наверное, со временем её грудь упадёт, но сейчас она выглядела богиней, его богиней, его собственностью... Боже, каким он был эгоистом. Почему не решился тогда остаться? Нашлись бы деньги на первое время, в конце концов он никогда не боялся работы... «Какой работы? Кого я обманываю? Умею только трахаться. Неуч без специальности. Кем я мог устроиться в Милане? Разве что офици-

антом или консьержем, чернорабочим. Испугался. Представил себе, как в грязной робе прихожу в маленькую тёмную квартирку в бедном миланском районе. Растолстевшая сердитая Лючия с сальными волосами в халате варит на кухне пасту, орут дети. Нет, мне определённо нужны были деньги, и побольше».

Он сказал, что скоро приедет к ней, только нужно заработать. Они договорились о следующей встрече...

Роман познакомился с богатой датчанкой, разругался по пустякам в пух и прах и оказался в первый раз без средств, один в Копенгагене, где никогда раньше не был. Подрабатывал, где придётся, жил в сквотах. Дошло до того, что он стал донором спермы. Собрал денег и уехал домой, устроился в экспедицию. Там, на севере, в тайге, думал развеяться, но забыть Лючию не получилось.

Он вернулся в Европу. Трахал нелюбимых женщин думая о ней, а потом произошло несчастье...

Жгучая фантомная боль пронзила тело. Нет, надо переключить это отрезок в памяти, как вырезает киномеханик брак в плёнке.

...Ах, Лючия! Все остальные подруги стёрлись в мутное пятно, бесформенная масса, гул голосов, а её образ — вот, перед ним, только руку протянуть. Она тоже любила его, он чувствовал. Необязательно говорить о любви: взгляд, прикосновение — и всё ясно без слов.

Полгода назад он забил имя *Lucia Rossetti* в поисковик и

обомлел. Выскочило несколько десятков страниц, несколько фотографий с его Люцией — повзрослевшей красивой женщиной, уважаемой дамой. Она стала ещё красивее. Господи, какая же она умница — защитила докторскую, преподаёт в университете. Роман вспомнил, как представлял её растолстевшей. Дурак, как же он ошибался!

Роман собрался с силами и написал на электронный адрес, указанный на странице факультета искусств и гуманитарных наук Миланского университета. О чудо! Люция ответила. Очень обрадовалась его письму. Оказывается, после их расставания она долго ждала его, потеряла надежду и вышла замуж за старика, своего научного руководителя, который умер через четыре года. Теперь она вся в работе и очень скучает по Роману.

Он достал телефон, открыл переписку и долго смотрел на последнее её сообщение:

Vieni, Romualdo.

Ti amo!

*Tua Lucia.*⁶

Она искренне надеялась, что он приедет. Не смотря на его предательства, она всё ещё ждала, Люция любила его...

Роман вздрогнул от вскрика на улице и перенёсся опять в ларёк, где он работал последние полтора года — два дня через два, за пятьдесят шесть тысяч рублей в месяц. До этого он несколько лет разделявал мясо на рынке, здесь лучше. На

⁶ Приезжай, Ромуальдо. Я люблю тебя! Твоя Люция (итал.)

жизнь хватает, даже удаётся откладывать. Слава богу, осталась квартира от мамы.

Он поднялся, посмотрел на часы. Двадцать минут до закрытия.

Мимо на ватрушке прокатил младшего брата соседский подросток, один раз, другой, третий. Роман учился в школе с их мамой до девятого класса, её звали Юлей. У неё было четверо детей. Старшие от первого брака уже имели своих, а Юлия нашла себе молодого, но сильно пьющего сантехника и родила погодков. Со вторым мужем недавно развелась. Последнее время она — сильно накрашенная и улыбающаяся — часто проходила мимо, не здороваясь, брала мясо и фарш, делая вид, что не знает продавца. Все его тут знают, а тем более Юлия, которой он отказал в своё время. Сколько лет прошло, а обида осталась. Ох уж это женское самолюбие. Очень мило, что она не теряет надежду.

Парнишка проехал мимо в очередной раз, вернулся и постучался в окошко. Роман открыл.

— Дядя Рома, вам посылка, подарок из Парижа.

Мальчик аккуратно положил на прилавок маленькую красивую коробочку, изящно обёрнутую розовой лентой.

— Спасибо, а от кого!? — только и успел крикнуть продавец сорванцу, но тот скрылся с глаз. — У меня же там никого нет!

«Скорее всего от родственников родного брата прабабушки, Дмитрия. Она же постоянно говорила перед смертью, что

они княжеского рода. После революции Дмитрий уехал на корабле во Францию. Наверное, его правнуки нашли меня», — подумал Роман. «Мама с бабушкой всё время над ней подсмеивались, не верили. Вот как на самом деле получается».

Сердце его наполнилось волнением. Подумал, что жизнь начинает налаживаться, его любит Лючия и ещё вот сюрприз. Он не торопился открывать. Показалось, что кто-то подглядывает за ним. Роман всмотрелся в темноту, но ничего не заметил. Чтобы успокоиться он выпил воды. Сел на табурет и положил коробочку перед собой.

*— Je m'baladais sur l'avenue
Le cœur ouvert à l'inconnu
J'avais envie de dire bonjour à n'importe qui
Aux Champs-Élysées
Aux Champs-Élysées
Au soleil, sous la pluie
À midi ou à minuit⁷,*

— напевал он песенку Джо Дассена в радостном предчувствии, аккуратно развязывая узелок. Открыл коробочку и увидел свёрнутую в рогалик замороженную собачью какашку.

Из темноты раздался громкий хохот. Шутники вышли на

⁷ Я прогуливалась по проспекту Мое сердце открыто неизвестному Мне хотелось поздороваться с кем угодно На Елисейских полях На Елисейских полях На солнце, под дождём В полдень или в полночь (фр.)

свет, ничуть не боясь. Расстроенный Роман накинул куртку, закрыл красивую коробку с собачим дерьмом, поднялся. Вышел на улицу и выкинул посылку из Парижа в урну. Он подошёл к бесстыдно гогочущим Юлиным чадам, приспустил маску и спросил серьёзно:

— Почему вы так зло шутите? Разве я сделал вам что-то плохое?

Пацаны переглянулись, сдриснули метров на двадцать таща за собой болтающуюся ватрушку. Начали манерно гримасничать под светом ближайшего фонаря, грязно изображая мужское соитие между собой, и кричали:

— Съешь говна, Ромик-гомик! Съешь говна, Ромик-гомик!

Выглядел их кривляние мерзко. Роман подумал: как собаки ощущают страх человека, так и эти пакостные шутники подсознательно чувствуют его скрытую боль от воспоминаний, его уязвимое место, и поливают кислотой на душевную рану. И ещё они знают, кто такие «гомики», и юным отморозкам, кажется, нравится произносить это запрещённое законом слово. «Ну и воспитание у Юли. Что же из них вырастет?»

— Ребята, аккуратнее со своим транспортным средством, на ватрушках ездить очень опасно — можно повредить спину, — сказал Роман.

Те ещё пуще закрутились, закривлялись, не понимая, почему продавец спокоен и не бежит за ними, не матерится, не

грозит:

— Съешь говна, Ромик-гомик! Съешь говна!

Паскудники не заметили, как из темноты вышел широкоплечий мужчина в вязаной серой шапке и тёмной куртке. Человек встал за ними, послушал несколько секунд пакостную кричалку, потом без слов схватил одного и другого за шкирки, и не обращая внимания на поднявшийся визг, словно на улице вдруг заверещал певец Витас, отвесил каждому нормального взрослого пендаля без скидки на возраст и вышвырнул за пределы освещённого круга. Взял оставленную ватрушку, раскрутился как метатель молота и забросил её в другую сторону, далеко за дорогу. Повернулся в сторону писклявых плачущих угроз изнасилованием уже понёсшихся из сугроба, крикнул густым хриплым басом:

— Слушайте, сучата-пидарята! Ещё увижу здесь — ноги переломаю!

Роман улыбнулся, он узнал голос Лёшки Таранова.

— Лёха, ты бы знал, как я рад тебя видеть. Кстати, только думал о тебе.

Друзья обнялись и похлопали друг друга по спине. Это случилось в первые раз за долгие-долгие годы. С тех пор, как Таранов с изумлением обнаружил школьного друга — путешественника, мачо и сердцееда — в роли продавца мясного павильона, разговор вёлся только через прилавок.

Алексей, растрогался, начал шутить в своём неповторимом стиле:

— Продавец встречает своего последнего покупателя прямо на улице в минус тридцать мороза. Сервис чудесный, Ромка, вот это я понимаю. В моём возрасте качество подачи очень много значит. Наверняка прочитал мысленный посыл постоянного клиента и завернул, что мне требуется?

— Завернуть не успел, но думаю, что угадал: твой заказ — килограмм свиной шеи?

— В точку, — подыграл другу Таранов.

Ромыч расцвёл:

— Пройдём внутрь, чего мёрзнуть.

Они зашли в павильон. Алексей оглядел обстановку — нет ли видеокамер. Снял перчатки, стащил намордник. Вытер тыльной стороной ладони влажную русую бороду с вкраплениями седых прядей.

— Вот это да, Лёшка! Богатырь — бороду отрастил раскудрявую. Без маски тебя и не видел.

— Не говори. Затрахали с этим масочным режимом. Никто давно не болеет, а всё носим и носим.

Ромыч покачал головой, но непонятно было, согласен он со словами друга или нет.

— У вас тут в настольный теннис играть — такие просторы. Помнишь мой ларёк в девяностых? Жизненного пространства — как в бочке: только встать да сесть, передом зашёл — задом вышел.

— Места достаточно. Можно работать и даже немного прогуляться — семь шагов от стенки до двери, — согласил-

ся Ромыч, взвешивая свинину.

— А печень свежая? — спросил Таранов.

— Замечательная печень, сам беру, — продавец, покосившись на улицу, тоже приспустил повязку.

— Ну и печени тогда кило тоже взвесь. Раз уж зашёл к старому другу надо пользоваться.

— Хорошо, Лёша, как скажешь, спасибо, кстати, что избавил меня от этих засранцев.

— Не за что, обращайся. Ты запиши мой телефон, найдём управу через родителей. У меня знакомый работает в полиции — капитан Баранов.

— Да, конечно. Можно просто поговорить. Знаешь, иногда такая тоска по вечерам заедает.

— Звони, Ромыч, в любое время. Людей много кругом, а поговорить действительно не с кем.

На улице за дорогой кто-то заорал пьяным голосом:

— Незаменимых нет, думает! А вот хрен вам с маком! Есть незаменимые, есть!

Шатающийся мужик ковылял к павильону. Ромыч быстрым движением поднял маску на нос.

Таранов, всматриваясь в темноту, выругался.

— Какого хрена...

Пьяный в сопли, расхристанный седой дядька в осенней брезентовой куртке, без шапки и повязки, спотыкаясь, по широкой дуге пересёк улицу и, упёршись лбом в витрину, захрипел что-то дикое, нечленораздельное, словно животное,

и сполз вниз, за пределы видимости, оставляя на дрожащем стекле слюнявый след.

Роман и Алексей бросились на улицу, они узнали в набуханном мужике своего лучшего школьного друга — Валеру Батова.

Мужчина вышел из дома в брезентовой парке оливкового цвета. Поёжился на утреннем морозе. Прогноз обещал продолжение циклона, а на термометр он с утра не посмотрел.

«Интересные перепады. Вот вам и глобальное потепление. Крутовато для ноября». Он немного замешкался: подумал, что лучше бы переодеться в зимнюю куртку, наблюдал, как доводчик медленно тянет тяжёлую металлическую дверь подъезда. Человек успел бы, но вдруг остановился, задумался на мгновение, посмотрел на луну и решил не возвращаться.

В высоком седом мужчине сложно было узнать романтического юношу, того самого Валеру, сочинявшего целую жизнь назад любовное послание.

«В конце концов, я же мужик, умею терпеть невзгоды. Подумаешь, холодно», — усмехнулся он про себя и ступил на серебряный ковёр нетронутого инея. Он первый сегодня вышел из подъезда — впрочем, это неудивительно: в доме жили в основном пенсионеры, которые никуда не спешили, тем более в столь ранний час. Рядом с подъездом рос куст шиповника. Бахрома льда, намерзшая вокруг веток и высохших ягод, переливалась в лунном свете.

«Красиво», — подумал он.

Приятно скрипнули кристаллы под ботинками.

Валерий сказал Ирине, что сегодня очень много работы и надо выйти пораньше.

— Может, отведёшь детей в школу? — спросила жена.

— Нет времени, срочный объект.

— Валя, сколько можно? Розетка в коридоре неисправна, фен через раз включается.

— Хватит меня называть чужим именем, — Батов не любил, что его называли «Валей», но жена, и тёща с тестем пропускали его вялые протесты мимо ушей. — Потом, всё потом. Сделаю.

— Эх ты, Валя, так и скажи: «не буду, не хочу». Вызови мастеров тогда, пусть делают. Бестолковый ты, Валюська, и неумёха, — усмехнулась Ирина. — Ничегошеньки ты не можешь. Ремонту сколько лет, обои отваливаются — стыдно перед гостями.

— Давай в отпуске навалимся? — пробормотал он неуверенно. — В декабре возьму отпуск на пару недель и сделаем.

Валерий не хотел ссориться.

Сделает он, — вздыхала жена. — Что ты сделаешь? Громкие ветры с утра надуешь в туалете — и больше ничего.

Он улыбался и молчал. Вообще-то он мог сделать много, очень много. Валера трудился конструктором, не простым инженером, а начальником отдела по проектированию стационарных газовых турбин. В стране насчитывалось не больше сотни специалистов такой квалификации, как Валерий, в основном пенсионного возраста. Но разве это объяснишь

женщине, которая работает бухгалтером и четверть века считает чужие деньги.

В их совместной жизни происходило много хорошего: в благополучные годы он смог купить большую квартиру и дорогую машину жене. Каждое лето возил семью на море. Обеспечил жильём детей. Старший сын, Александр, совсем взрослый и такой же важный, как его мать, давно обитал отдельно в купленной отцом студии, но почему-то его — начальника отдела, главного конструктора — жена и тесть с тёщей насмешливо называли Валюсиком и даже Валенком. Может, потому что его имя было созвучно с названием тёплой войлочной обуви, а скорее из-за мягкости характера: неконфликтный по природе человек, он со всем соглашался. Окружающие люди мягкость его воспринимали за слабость. Имя тоже много значит: много ли по земле ходит уверенных мужчин с именем Валя? Хотя, случались споры: Валера всегда говорил, что Валя — это уменьшительное от Валентина, а не от Валерия, но даже на работе его иногда называли Валюсик... Он и сам знал, что он покладистый: Валерий Андреевич Батов, Валя, Валюсик... Валенок.

Казалось, сыновья его не очень-то и любили, по правде сказать винить некого: он и сам это понимал. Батов слишком много работал и не принимал участие в воспитании детей. Когда он в последний раз говорил по душам с сыновьями? Никогда, пожалуй. И уже поздно: Сашке через три года тридцатник — отрезанный ломоть. Кстати, Валерию очень

не нравилось имя Саша, но его не спрашивали: жена выбирала имя для первенца вместе с тётшей, у которой дед занимал после войны должность министра то ли машиностроения, то ли водного транспорта. На семейных застольях постоянно заходила речь о рано умершем дедушке Саше.

— Сгорел на работе, — вздыхала тётца. — Вот человек был, не то что нынешнее племя, — намекая в сторону зятя.

— Богатыри, не мы, — продолжил Валера на последнем совместном возлиянии, замахнув рюмку, а потом неожиданно для себя выдал: — Сгорел и сгорел. Что слёзы лить? Ушедшего не вернуть, мёртвого не оживить. Нет уже отечественной гражданской авиации, машиностроения и водного транспорта тоже нет, и страна давно сгинула. Надо воспитывать кадры, думать, как развивать промышленность в современных условиях.

Неосторожная реплика повлекла за собой резкое охлаждение отношений — и без того не очень тёплых. Тесть с тётшей больше в гости не приходили, навещались по звонку дочери, когда Валерий уезжал в командировки. Кстати, имя Саша ему не нравилось, вовсе и не из-за тётчи: он читал о её дедушке, тот действительно был крупной фигурой, крутой организатор и руководитель. Не любил он имя «Саша», потому что в группе с ним учился Саша Сморгчовский — небольшого росточка, голубоглазый остроносый юноша с неприятным выражением лица. Не в физиономии причина неприязни — «с лица не воду пить», как бы сказал Лёха Та-

ранов. Александр Сморчковский не совершал ничего плохого: учился ровно, почти без троек, не участвовал в пьянках, не подлил, не стучал, но почему-то Валере Батову не нравился Саша. Он старался не здороваться с ним за руку, садился подальше в аудитории. Саша между тем поднялся после окончания университета. Пошёл в политику и добился успеха на региональном уровне, ещё чуток — и перевёлся бы в столицу, а там и до Верховного Совета недалеко. Ирина Батова иногда сгоряча упрекала Валерия, когда он задерживался на работе: «Вот Сашка смотри как взлетел, не то что некоторые, а ты его за человека не считал».

Спалился Сморчковский на взятке. Обыск в его кабинете даже показали по центральным новостям. Подумаешь взятка — кто там не берёт? На всех есть пухлая папочка. Самое мерзкое выяснилось чуть позже: на домашнем компьютере нашли коллекцию видео с детской порнографией. Но и это не главное — файлы могли подкинуть. Суть в том, что Александр Сморчковский и ещё несколько очень известных и влиятельных людей в городе принимали активное участие в запечатлённом на плёнке отвратительном действе. Скандал прогремел на всю Республику, правда быстро затих — видимо, в деле всплыли действительно серьёзные персонажи.

Чутьё Батова не подвело. Пару раз он подначивал супругу: «Теперь обитает Сашка на верхней шконке — очень высоко поднялся». Валера перестал шутить после того, как вышла незаметно проскочившая новость, что Александр Сморчков-

ский изъявил желание дать показания в суде и ночью повесился в камере. Возможно, слишком много знал.

Что теперь в самом деле, Александрями детей не называть? Был же Македонский, Невский, Пушкин в конце концов, а теперь существует на свете Александр Батов — менеджер по продажам или мерчендайзер. Сегодня продавец вейпов, а завтра он планирует открыть пивоварню. Всё фантазирует, хочет быстро разбогатеть, одалживая у мамы пару тысяч на новую куртку — конечно без возврата.

Может, Ирина стала злиться и нервничать из-за нехватки денег? Цены растут, а зарплату не прибавляют. В Республике ввели бесконечный масочный режим. Хорошее имеет свойство заканчиваться. Энтропия растёт, глазки сужаются и тускнеют, красивые скулы зарастают жиром, женские груди опадают, мужчины оказываются в некрасивой пузатой оболочке, задницы дрябнут и члены вянут, как голландские розы, купленные на юбилей супруге. Кстати, дорогие цветы чахнут буквально на следующий день, хоть и смуглые продавцы клянутся мамой, что розы будут стоять еще как минимум две недели. Валерия, всегда занимал этот вопрос: почему южные люди божатся самым святым? Они прекрасно знают, что цветы захиреют через сутки, но всё равно клянутся своими матерями. То ли все они сироты? Неужели так сильно любят деньги?

Он прошёл по двору, останавливаясь у луж. Ломал ногой лёд и долго разглядывал, как пористая, сверкающая в свете

фонарей корка разбивается на случайные осколки. Примерно так ломалась его жизнь.

Валерий ходил на работу пешком, иногда ездил на троллейбусе. Коллеги подсмеивались над ним: начальник отдела, а добирается на общественном транспорте.

«Ничего то вы не понимаете. Утро в тралике, это прелесть как приятно».

Много молодёжи, студенты торопятся к первой паре. Он любил украдкой разглядывать свежие лица. Девчонки и парни шутили, обсуждали преподавателей, подробности вечеринок и горячие ролики. Валерий вставал в угол задней площадки, слушал и улыбался про себя. Со стороны он выглядел как странный задумчивый дедушка. Ранняя седина прибавляла десяток лет. Валера с тревогой обратил внимание, что с осени кассирши в магазине, где покупал кефир на обед, начали спрашивать пенсионное удостоверение. Он отшучивался «Да, мол, и правда пенсионер. Молодой ветеран секретной войны, цель которой — уничтожение кисломолочной продукции». Юмор его понимали только друзья детства. Вот Лёха бы Таранов оценил, а кассирши только брезгливо косились, и в душе оставался неприятный осадок. Теоретически он мог бы быть дедом: старшему сыну Александру исполнилось летом двадцать семь. В его возрасте Валерий уже познал тайны отцовства. На второго ребёнка они с Иришей решились через десять лет после рождения первенца, когда встали на ноги, родился второй сын Андрей, а потом на юж-

ном море счастливая пара, пропитанная оливковым маслом, вином и солнцем, случайно и страстно сделала третьего человека — дочку Настеньку, любимицу Валерия.

Каково это — быть молодым папой в сорок лет?

— Валерий Андреевич, вы у нас «отец-героин на пятом десятке», — шутили коллеги на работе.

Тогда он был счастлив и полон сил.

Под началом Валерия Батова в отделе трудились восемнадцать специалистов. Разработанные коллективом агрегаты использовались для строительства газотурбинных теплоэлектроцентралей, вырабатывающих электричество и тепло. Коллеги и начальство называли его Валерием Андреевичем. На предприятии Валерия уважали, ценили за ум и способность принимать решения в сложной ситуации, хотя и подшучивали за спиной над его добродушием.

Валерий понимал, что достиг своего потолка на этой должности. Неоднократно хотел написать заявление об уходе, но каждый раз сдерживался, вспоминая о детях. Вдруг не сможет сохранить привычный уровень и качество жизни?

В холдинге, к которому принадлежало предприятие Валерия, складывалось не всё гладко. С началом пандемии рубль полетел вниз быстрее, чем обычно, а иностранные акционеры должны были получать прибыль в валюте. Премии давно не платили, люди сидели на голом окладе, хотя объём работ оставался прежним. Валерий очень удивился, заметив полгода назад, читая объявления о вакансиях в городской газе-

те, что кассир без образования в ближайшем супермаркете и доставщик еды получают столько же, сколько квалифицированный инженер в его отделе. Сам Валерий после окончания университета отучился в аспирантуре, защитил диссертацию в НИИ. Сразу после защиты Валерий ушёл на производство и честно отработал много лет.

Три недели назад сверху пришла разнарядка на увольнение ведущего инженера Геннадия Князева. Не сокращение, подразумевающее выплаты по закону, а именно увольнение по собственному желанию. Если же человек не хотел, то начальство придумывало повод, и работника выкидывали по статье. Валерий слышал неприятную историю, как в смежном отделе избавились от неудобного мужичка. Тот, вернувшись с отпуска, был поставлен перед фактом: уход либо по собственному, либо по статье — за двухнедельный прогул, так как его заявления на отпуск никто не видел, и уж тем более, не подписывал. Дядька, конечно, покричал, но сочувствия в коллективе не нашёл. Делать нечего — пришлось уходить добровольно.

Маленький, сухощавый, предпенсионного возраста Князев работал на предприятии тридцать четыре года, устроился сразу после вуза. Считался человеком на своём месте: тихим и исполнительным. Инициативы, правда, не проявлял, но дело знал, в сроки укладывался. Единственно, что смущало Валерия: ему казалось, Геннадий совершенно равнодушен к результатам своего труда. Но ведь Князев никогда

не совершал грубых ошибок. Валерий подобное ровное отношение к работе и отсутствие тяги к трудовым подвигам отмечал в последние годы у большинства работников предприятия. Геннадий не был «слабым звеном». Странно, почему выбор пал именно на него?

Валера очень не любил это словосочетание — «слабое звено», ставшее популярным с некоторых пор. Оно нехорошо «пахло», но его постоянно употребляли директор и главный инженер, обсуждая стратегию развития предприятия. Валерий догадался, что совет директоров освобождался от работников с большим стажем. По коллективному договору полагалось выплачивать большие суммы выходящим на пенсию специалистам, проработавшим больше тридцати лет, а так вытолкнут человека по собственному — и никаких затрат.

«Золотые парашюты — только для членов совета директоров, а для нас, простых смертных, только медные, а может и чугуниевые. Скоро и меня попрут. Акелла пока не промахивался, но время идёт, ошибок не избежать», — так думал Валерий. Он даже не представлял, как круто изменится его жизнь в ближайшие дни.

Молодой балагур и зубоскал, техник Вася Шаповалов предположил, что директор компании по имени Рудольф Баронов исходил из сословных причин:

— Негоже простолюдину с фамилией Князев числится в коллективе — глаза режет в списках, Князь же выше рангом

барона, субординация страдает.

Лицо Князева было непроницаемо: он никогда не показывал эмоций, кротко улыбался и кивал. Он не отреагировал на Васину шутку, жалобно смотрел на Валерия большими, грустными и блестящими, словно поддёрнутыми влажной плёнкой, глазами:

— Валерий Андреевич, как же жить мне? Мать больная, лежащая, на одни лекарства ползарплаты уходит. Мне до пенсии три года. Кому я сейчас нужен?

Валерий психанул, позвонил наверх и сказал:

— Здравствуйте, это Батов. Если уволите Князева, я сам немедленно напишу заявление!

Он бросил трубку, возбуждённый и немного даже удивлённый своей решительностью. Потом схватил куртку, бросил «я в цех» и выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью. Коллеги молча переглянулись.

— Испугал Валерий Андреевич кота сметаной, — тихо сказал Шаповалов.

К концу недели подходил срок сдачи экспериментального образца турбины. Возбуждённый Валера прибежал в цех спросить, как продвигается работа.

— Беда у нас, Валерий Андреевич! — вздохнул пожилой инженер Василий Петровский. — Не выходит каменный цветок, — он ткнул жёлтым от табака пальцем в чертёж. — Нет знающего человека, чтобы выточить такую деталь на наших станках, а я предупреждал директора: мастера уходят, надо

смену воспитывать, оборудование менять.

— Не вешаем нос, Василий Николаевич, решим вопрос — всегда есть выход! — Валерий забыл об увольнении Князева. Голова начала работать в другом направлении. — Николаич, координаты есть Митрофанова Фёдора? Как его по отчеству, старозаветное что-то?

— Касьянович.

— Вот, вот. Фёдор Касьянович, всё сделает. Он — наше спасение.

— Ему уже под восемьдесят — может, и помер? — хмыкнул Петровский.

— Телефон и адрес дай мне!

Петровский, проворчав что-то, пошаркал в кондейку. Вернулся через пять минут с клочком бумаги.

Валерий набрал номер, но никто не брал трубку. Он чертыхнулся, вызвал машину и сам поехал за мастером. На месте закинул таксисту пятихатку сверх тарифа:

— Обожди, минут десять. Потом не обижу.

Шофёр кивнул, потянулся за газетой с кроссвордом. Фёдор Касьянович жил в хрущёвке на первом этаже. На гудки домофона не отвечал. «Спокойно, Валера, спокойно. Неужели откинулся дед?» Он отошёл от двери и заглянул в окно кухни справа от подъезда. Горел свет, старик курил за столом, покрытым голубой клеёнкой.

— Живой! — обрадовался Батов. Забарабанил по стеклу. Похоже, Фёдор Касьянович был глуховат, но случилось чу-

до: он бросил взгляд на улицу и увидел голову начальника отдела по проектированию газовых турбин. Старый мастер медленно встал, сделал шаг к окну.

— Фёдор Касьянович! Вы нам нужны, очень сильно нужны! — орал Валера размахивал руками, привлекая внимание случайных прохожих.

Старик открыл фрамугу, в кухню ворвался холодный воздух, растрепав редкие белые волосинки на его висках. Он был лыс, с густыми бровями и седыми длинными усами, как у Тараса Бульбы.

— Чего надо, малахольный? — неожиданного резко и твёрдо сказал дед.

— Здравствуйте, Фёдор Касьянович! Я, Валерий Батов, начальник отдела. Мы сейчас турб...

— Говори громче и разборчивее, сними член изо рта. Ни хрена не слышу!

— Турбину собираем! Деталь сложную не получается выточить! Нужна ваша помощь! — рывкнул Валера на весь двор.

Где-то заскулила собака. Остановившиеся рядом с подъездом любопытная бабка быстро засеменила прочь.

— Не ори, не глухой. Сейчас выйду.

Фёдор Касьянович оказался невысоким старичком. Маски он не носил — видно, уже наплевать на всякие запреты и гэры. Валера поздоровался с ним за руку, сжал сухую маленькую лапку. «Ведь эти золотые ладошки могут сделать то,

что не под силу никому в этом городе. Чудны дела твои».

Он услужливо открыл дверь и усадил мастера рядом с водителем.

— Теперь на исходный адрес, пожалуйста. Быстрее, — бросил Валера таксисту, прыгнув на заднее сиденье.

Фёдор Касьянович не подвёл и выточил деталь к половине седьмого вечера. Рабочие разъехались по домам, в цеху оставался только Петровский. Валерий маякнул ему, чтобы развлекал старика, а сам сбегал в ближайший магазин, купил две бутылки коньяку и закуски. Оперативно накрыли стол в подсобке. Валерий разлил янтарную жидкость по стаканам.

— Спасибо, Фёдор Касьянович. Чтобы мы без вас делали! — Валера чокнулся с мастерами, выпил. Достал из внутреннего кармана пиджака заранее приготовленные две купюры большого номинала и положил перед Фёдором Касьяновичем. — Примите, компенсация за беспокойство и ваш труд бесценный. Чем можем. К сожалению, бюджет ограничен.

Касьяныч проглотил коньяк и стукнул об стол пустым стаканом: — Обижаешь, паря. Я же от чистого сердца. Ежели для дела надо — зовите. ... За магарыч спасибо, а деньги убери.

— Простите, — Валерий спрятал банкноты. — Вы наша палочка выручалочка, Фёдор Касьянович. Не осталось мастеров, вот и Николаич говорит, что погибается производство. Начальство знать не хочет о наших бедах. Средний возраст рабочих в цеху к шестидесяти подходит.

Валерий наполнял стаканы. Касьяныч тщательно пережевывал сало. Петровский согласно кивал:

— Молодых силком не затащить, а если приходят — неумёхи да рукосуи, помотыляются сезон и убегают. Их можно понять: на доставке за месяц больше заколотят, чем здесь за два. Не будет развития без свежей крови. Нужна молодёжь, старые уйдут — и кранты. Расходимся.

Валерий молча разлил бутылку и открыл новую. Всё, о чём говорил Петровский сейчас, Батов докладывал самому высокому руководству в начале нулевых. Несколько записок наверх посылал и вместо ответа получил пистонов от начальства «Куда, мол, лезешь со своим суконным рылом? Наверху виднее».

— Теряем технологии. Тёмное время наступает в нашем отечестве, — вздыхал быстро захмелевший Фёдор Касьянович. — Я ведь недоношенным родился сразу после войны. Заводской посёлок, холодные бараки и грязь. Мамка думала — не жилец, меня в рукав полушубка положила. Свёрток голос подал — значить жить захотел. Титьку сунула, покормила, мякиш хлебный пожевала, в марлю завернула и в рот мне, чтобы не кричал, значит, вместо соски. ... Бедно жили, работали много, строили, радовались малому и с надеждой вперёд смотрели. Даже когда страна с фашистом сражалась, строили заводы — почти по тысяче в год, представляете? Таковую вражину завалили, мир спасли! В космос вышли через три пятилетки после победы. Ведь какой праздник случился

стихийный, когда Гагарина запустили! Думали — по Марсу будем ходить через тридцать лет. И к чему мы пришли? Тотальный контроль, дроны эти драные. Хотя есть и хорошие новости: вчера показали, как открывали помойку — новые мусорные контейнеры. Местные депутаты приехали, мэрин, красную ленточку резали — позорники. Ещё репортаж смотрел: станкостроительный завод не собираются восстанавливать, снесут на хрен. Трубу на днях взорвут — не нужны нам станки. Такие дела. Зато помойка новая и винный магазин... Тёмное время.

— Говорят же: стабильность. Большое дело сделали благодаря вам и будем делать. Спрашивается, почему грустим? — Валера попытался взбодрить стариков. — Колбаса вот есть, хлеб, коньяк. Не надо печалиться. Выпьем, мужики, за вас, за мастеров. Пока есть такие люди — не пропадём!

Через полчаса Валерий и сам поддался общему мрачному настрою, доливал остатки. Волей-неволей беседа выходила на невесёлую философскую дорожку — впрочем, как всегда у русских людей:

— Потому что нет надежды у нас Касьяныч, — медленно говорил Валера. — У вас была, а у нас сплыла. Мы все в сумерках. Единицы в растерянности ищут что-то — как я, а большинству наплевать.

Выпив коньяк, Василий Николаевич подмигнул собутельникам и, не обращая внимание на слабое сопротивление Валерия, выудил из сейфа бутылку беленькой. Касьяныч

одобрительное крякнул.

Валерий доставил Касьяныча на такси. Свет в подъезде не горел, пришлось включить фонарь на телефоне.

— Тёмное время, — вздыхал старик, взбираясь на ступеньки.

Валера проводил мастера до квартиры, незаметно сунул ему в карман две пятитысячные бумажки и проследил, чтобы тот закрыл за собой входную дверь.

— Для тебя работа важнее, чем семья. На часах — ночь-полночь, — Ирина посмотрела внимательно на Батова, принюхалась. — Ещё и пьяный!

— Ты не представляешь, что сегодня произошло, дорогая! — Валерий улыбался, глядя на недовольное заспанное лицо супруги, попытался обнять, но женщина вырвалась.

— Не представляю, куда уж мне. Опять спать не дашь своим пьяным храпом. Постелю в гостиной.

Валера разделся, прошёл в ванную. Встал по душ и пытался возбудить себя, но никак не мог настроиться на нужную волну — вялый член упрямылся и не вставал. В голове крутились чертежи, грустные глаза Князева, лысина Касьяныча.

— Значит, на усы мастера не встанешь? Понимаю тебя. Ведь как работал старик, как работал, — Валера вспомнил чёткие движения сухих ладоней Фёдора Касьяновича, блестящие кромки детали и бесконечно длинную стружку, ра-

дужным винтом уходящую от токарного резца.

Валера напряг грудные мышцы и бицепсы, втянул живот. Посмотрел вниз и остался доволен увиденным. При мысли о станке он возбудился и кончил.

Валерий лежал уже под одеялом, смотрел новости на телефоне, когда в гостиную заглянула жена с подушкой.

— Падай рядышком, спинку поглажу, — он хлопнул ладонью по дивану.

— Я случайно свою подушку тебе положила, отдай, — сказала она строго.

— Всё, что ты хочешь, дорогая.

— Хочу, другого мужчину... — через пару секунд Ирина поняла, что это уже слишком, добавила: — Шучу.

— У меня другого нет, прости, — он улыбнулся беспомощно, ощущая внезапную сильную боль под грудиной, приподнялся и сунул жене её подушку.

— Спокойной ночи, — она, чувствуя неловкость ситуации, немного постояла в темноте и ушла в спальню, не дождавшись ответа мужа.

Валерий долго лежал, открывая рот и хватая воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Успокоившись, взял телефон и открыл свою страницу в МиФ.

Батов пользовался интернетом в основном по рабочим вопросам, его анкета и фото висели на сайте его компании, но в соцсетях Валера не светился. Полгода назад сверху пришла директива в обязательном порядке всем сотрудникам офор-

мить личный профиль в только что созданной Республиканской социальной сети МиФ (сокращённо от «Мысли и Фото»). Ребята на работе поворчали, но ничего не поделаешь — против начальства не попрёшь. Пришлось зарегистрироваться, и Валера тоже завёл себе страничку.

Теперь в его обязанности как начальника отдела помимо основных должностных обязанностей входил ежедневный мониторинг новостной ленты, профилей руководства, подведение статистики откликов и просмотров. Часто на планёрке он напоминал сотрудникам о том, что директор вчера выложил свои мудрые мысли и фото, но почему-то не все специалисты поставили реакцию под его новым постом. Ребята смеялись над абсурдом ситуации, доставали телефон и, не читая, ставили плюсы — ведь никто не хотел лишаться квартальной премии из-за отсутствия дурацкого лайка.

Валера полистал новости, хотел выйти, но увидел новое сообщение от незнакомки по имени Лариса и необычной греческой фамилией Аргиопиди:

— *Здравствуйте, Валерий! Вы действительно конструктор?* — написала Лариса.

«Какого хрена? Откуда она знает, что я конструктор?» — Батов зашёл в профиль отправителя.

Общих друзей не нашёл. В фотоальбомах было загружено несколько десятков снимков молодой сероглазой женщины со смуглой кожей и каштановыми кудрявыми волосами. Фото в разных локациях: на даче, где-то на юге, в офисе за

компьютером и даже в сигнальном жилете на заснеженной железнодорожной станции. Много видов осеннего парка из окна, радуга, рассветы и закаты, кадры с экзотическими цветущими домашними растениями. Информация на странице гласила, что Лариса Аргиопиди работает инженером-проектировщиком железных дорог. Только сейчас Валера понял, что под его аватаром также висят в открытом доступе его личные данные: место работы, профессия и увлечения. Он совсем забыл, что сам внёс их в анкету при регистрации.

Валера хотел добавить незнакомку в чёрный список, как он обычно делал со спамом, полистал напоследок страницу незнакомки, долго рассматривал её фото в купальнике и решил не блокировать. Открыл сообщения и написал:

— *Здравствуйте, Лариса! Я действительно конструктор.*

К записи тут же прикрепился смайлик в виде сердечка.

Валера улыбнулся, почувствовал, как кровь прилила к щекам. Он подумал и добавил:

— *Самый главный конструктор.*

На следующий день Батов пришёл на работу не выспавшийся. Трещала голова после вчерашнего. Заглянул с утра в цех, выпил кофе с Петровским, обсудил печальные перспективы, только потом поднялся в кабинет. В обед позвонил директор — на экране рабочего телефона высветилась фамилия, записанная в контактах прописными буквами: «БАРОНОВ». Валерий догадался, что разговор будет неприятный. Выдохнув, взял трубку:

— Батов слушает.

— Валерий Андреевич, здравствуйте, звоню по поводу увольнения Князева и вашего вчерашнего демарша. Я доложил руководству холдинга. Сегодня мне позвонили. Плохие вести... — директор замешкался.

— Продолжайте.

— Им не понравилось ваше поведение. Нелепое это заступничество. Сами понимаете: кризис, все на нервах, а вы ещё подлили бензина в костёр. ... Пишите, Валерий Андреевич, заявление за свой счёт. Расстанемся по-хорошему.

Странно, но Валерий почувствовал облегчение. Круглосуточное производственное напряжение, головная боль о проектах, не покидающая ночью, в выходные и даже в отпусках, беготня по цеху, командировки на объекты, споры с заказчиками, конторская суeta — всё осталось в прошлом. Он на-

конец-то стал свободным человеком.

— Хорошо, напишу. А как же две недели отработки?

— Оформите отпуск с понедельника. Я навёл справки в отделе кадров: у вас долгов за годы работы накопилось больше двухсот дней. Гуляйте на все четыре стороны. ... Вы как будто не расстроены, Валерий Андреевич?

— Ну а что мне плакать, что ли? Ваше дело руководить, наше — кивать. Хотел спросить: кто теперь вместо меня за начальника отдела?

— Кхм... — в трубке повисла неловкая пауза. — Наверху посоветовались. Решили поставить Князева. Опытный работник, неконфликтный.

— Сильный ход, спасибо, — Валерий повернулся к столу Геннадия Князева и понял, что этот скромный человек, очень любящий маму, информирован о своём назначении. Знал с утра и ничего ему не сказал.

— Я говорил, что вы на своём мес..., — продолжил директор, но Валерий бросил трубку и опустился на кресло. Открыл ящик стола, достал чистый лист. Размашисто написал посередине: *З а я в л е н и е*.

Кто-то кряхтел рядом. Валерий продолжил писать, будто не замечая просителя. Кашляли ещё раз.

— Я слушаю, — он поставил дату и подпись, поднял голову. Геннадий Князев виновато переминался с ноги на ногу. За его спиной сотрудники усиленно напрягали слух, делая вид, что поглощены работой.

— Простите, Валерий Андреевич, — Князев растерянно смотрел на него и не понимал, почему бывший начальник улыбается, как будто его не уволили, а наоборот повысили.

— Ничего. Всё что не делается, — к лучшему. Работайте, Геннадий и не переживайте. У меня просьба: отнесите заявление директору, не хочу наверх подниматься.

— Конечно, Валерий Андреевич.

Коллеги прятали глаза, а Валера наводил порядок в ящиках стола, рвал и выкидывал старые бумаги. Удивительно: трудился здесь четверть века, а взять с собой нечего. Батов знал, что на производстве его уважали. Он не допускал срывов объектов, его слушались, хотя он не повышал голос, — наверное, потому что видели — Валерий болеет за дело и последним уходит из цеха. «Уважать-то, конечно, уважают, но своя шкурка ближе к телу», — думал Батов, глядя на подчинённых, делающих вид, что работают, и думающих: скорее бы он ушёл.

В отделе повисла тишина. Он поднялся, накинул куртку. Не стал затягивать неловкое прощание:

— Бывайте, товарищи. Удачи.

Когда дверь закрылась, бывшие коллеги облегчённо выдохнули.

Валерий спустился в цех к Петровскому и рассказал о своём увольнении. Тот, ошарашенный неожиданной вестью, тряс Валеру за руку и бормотал только:

— Как же... не понимаю... Валерий Андреевич, милень-

кий... ничего не понимаю... Валера... Андреевич... как работать-то будем? Ведь на тебе туточки всё и держалось. Что творят, нелюди... Эх!

Петровский Василий Николаевич хорошо помнил молодого и дерзкого парнишку от науки, фонтанирующего идеями. Валера не брезговал черновой работой: разгружал железо, вставал за станок, сам сваривал, шлифовал, собирал агрегаты.

— Не поминайте лихом, Василий Николаевич.

На улице потеплело. Небо будто стало ниже, занесло серыми снежными тучами. Валерий зашёл в продуктовый магазин, по привычке направился к молочному отделу, усмехнулся про себя, глядя на прилавки с кефиром. Сделал круг и у кассы взял маленькую коньячную фляжку.

— Сегодня без кефира? — удивилась кассирша.

— Начинается коньячная диета, — Валера подвинул ей склянку.

— Не рано?

— В самый раз.

Снег тихо шуршал в ветвях берёз и проводах.

— Всё, ребята, свободен, — сказал Валера снежинкам, скрутил крышку, отпил на треть, оглянулся по сторонам и чертыхнулся, заметив на стене у входа в магазин направленную на него видеокамеру. Он спрятал фляжку в карман, двинулся в парк — подальше от чужих глаз. Телефон завибрировал. Валерий посмотрел на экран и ещё раз выругался. При-

шло сообщение о штрафе за распитие спиртных напитков в общественном месте и списании баллов гэр. Камера успела зафиксировать нарушение.

«Как же быстро они реагируют», — с профессиональным одобрением подумал Валерий и ругнулся в третий раз за пять минут, увидев, как на экране телефона высветилось сообщение об уменьшении баланса на счёте.

Он вдруг осознал, какое странное время наступило. Всё, что Валерий читал в антиутопических книжках про будущее, исполнилось незаметно и буднично. Город накрыли сетью видеонаблюдения с системой распознавания лиц. Запустили патрульные дроны, а теперь ещё эта ИРГА. Он пропустил, как несогласных превратили в изгоев и мракобесов. На всю катушку задействовали средства массовой информации, подкупили популярных блогеров, артистов и спортсменов. Валера не то что бы оказался в числе согласных — нет, ему тоже не нравилась нелепая суета, принявшая в последнее время тотальный масштаб. Его мысли занимала только работа. Сказали уколиться — привился не задумываясь. Раздражала только необходимость ношения маски. Он честно носил её, в цеху дал неформальное разрешение на необязательность масочного режима, за что пользовался уважением у коллектива.

«Не успел уволиться — и окунулся в действительностью с головой. Становлюсь асоциальным элементом», — усмехнулся Валерий про себя, оглядываясь по сторонам. Убедив-

шись в отсутствии слежки, глотнул коньяка. Он прислонился спиной к морщинистому стволу старого дуба, посмотрел вверх, в круговертъ тёмных веток. Снежинки таяли на горячих щеках. Чувство счастья и умиротворения охватило его. Он знал, что всё это обман, вызванный алкоголем, и состояние это продлится только до той поры, пока он будет впрыскивать себе в организм суррогат радости. Вышел-таки из-за печки, о чём давно мечтал, работы лишился. «Эх, что делать, что делать?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.